

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова

На правах рукописи

ШАРАПОВА СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА

**НАСЕЛЕНИЕ ЛЕСОСТЕПНОГО ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В V В. ДО Н.Э. – III В. Н.Э.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ)**

Специальность 5.6.3 – Археология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва – 2024

Работа выполнена в Центре этноистории Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт истории и археологии Уральского отделения РАН»

**Официальные
оппоненты:**

Крадин Николай Николаевич, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН»

Таиров Александр Дмитриевич, доктор исторических наук, директор Научно-образовательного центра евразийских исследований, профессор кафедры «Международные отношения, политология и регионоведение» Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»

Куфтерин Владимир Владимирович, доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Ордена Дружбы народов «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН»

Защита состоится «30» сентября 2024 г. в 16:00 на заседании диссертационного совета МГУ.056.3 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: г. Москва, Ломоносовский проспект, 27, корпус 4 Шуваловский, ауд. 416. E-mail: art@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27). Со сведениями о регистрации участия в защите в удаленном интерактивном режиме и с диссертацией в электронном виде также можно ознакомиться на сайте: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3029>

Автореферат диссертации разослан « _____ » _____ 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат искусствоведения

Е.А. Ефимова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В конце XX в. интеграция усилий и возможностей исследователей в различных областях отечественной археологии реализовывалась активным внедрением статистического анализа в проводимые проекты, а несомненные успехи палеоантропологии расширили комплексный подход к анализу материалов погребений. С тех пор значимость междисциплинарной парадигмы ничуть не снизилась. Напротив, имеющийся у археологов арсенал методов естественных наук дополняется возможностями археозоологии, почвоведения, палеогенетики, изотопных исследований и т.д., позволяя воссоздать среду обитания, определить пищевые стратегии, рассмотреть мобильность и миграционные потоки и т.п. С другой стороны, появляется возможность реконструировать историю жизни отдельно взятого индивида – особенности его происхождения, образа жизни, диеты и т.п.

В раннем железном веке в лесостепи Зауралья и Западной Сибири обитало население, чьи древности в археологической систематике именуется саргатской культурой. Ее изучение связано с усилиями многих поколений археологов, основные направления исследований затрагивали широкий спектр научных тем: систематизация и классификация [Стоянов, 1969; 1970; Корякова, 1981; Полосьмак, 1987], проблемы происхождения [Могильников, 1972а; Корякова, 1988; 1994б], вопросы хронологии [Корякова, 1981б; 1988; Культура зауральских..., 1997; Матвеева, 2017б], военное дело [Погодин, 1998а; Матвеева и др., 2005], социальная организация [Стоянов, 1977; Корякова, 1994б; Матвеева, 2000]. Реконструкция жизнедеятельности саргатских коллективов включала изучение архитектуры и домостроительства [Берлина, 2010], хозяйства и быта [Чикунова, 2006в], пищевого рациона [Ражев, 2002; 2009; Матвеева и др., 2004], погребальной обрядности [Корякова, 1994б; Берсенева, 2005]. Не менее активно прорабатывалась палеодемографическая и социальная характеристика населения [Матвеева, 1999; 2005; 2007; Берсенева, 2005; 2011]. Закрепилась гипотеза о селективном принципе курганного обряда [Ковригин, Ражев, 1997]. В то же время следует признать, что в устоявшихся в литературе характеристиках погребальной обрядности и социальных интерпретациях саргатского общества был учтен ограниченный объем палеоантропологических сведений – определения пола и возраста. Между тем выход на социальные интерпретации предполагает специальные знания других дисциплин. В фокусе внимания оказываются результаты палеопатологического [Ражев, 2002; 2009] и набирающих обороты палеогенетического [Пилипенко

и др., 2009; 2013; 2017; 2018; Шарапова и др., 2019; 2020] и изотопного [Шарапова и др., 2023; Kiseleva et al., 2023] изучения населения региона. Их использование в археологическом контексте по объективным причинам обеспечивает эффективность биоархеологического направления, а главное, достоверность получаемых интерпретаций. Перенос акцента на индивида, его взаимодействие с материальным миром раскрывает иные возможности, позволяя изучать социальные группы, вписывая биологические характеристики в социальный контекст. В западной археологии такой подход интерпретационного направления получил определение *peopling the past* [Fowler, 2004]. Дословный перевод – заселяя (очеловечивая) прошлое – в русском языке звучит неуместно. Поиск адекватного значения перевода привел к биоархеологическому направлению [Buikstra, 1977; Larsen, 1999; Бужилова, 1995; 2005; Медникова, 1995б; 2017; Козловская, 1996; Бужилова и др., 1998 и т.д.] с упором на исследование палеоантропологического материала в археологическом контексте [Шарапова, Ражев, 2013; 2016; Шарапова и др., 2014; 2019; 2020; Ražev, Šarapova, 2012; 2014]. Контекстуальный анализ, не будучи направленным на поиск статистических закономерностей, не исключает описательной канвы фактического материала и предполагает комплексный междисциплинарный подход к рассмотрению массива данных, в том числе в сравнительном аспекте [Hodder, Hutson, 2003; Hodder, 2007; Trigger, 2007; Agarwal, Glencross, 2011; Sharapova, 2016; Шарапова, 2018а; 2018б]. В этом отношении результаты новых исследований старых материалов с известными оговорками могут быть успешно использованы (ограничения вызваны сохранностью археологических объектов и коллекций, методикой исследований и т.п.). При таком ракурсе изучение материалов древних погребений, в том числе разрушенных, в ряде случаев позволяет получить оригинальную информацию, которая теряется при статистическом анализе. Именно комплексным междисциплинарным подходом к анализу археологических памятников обусловлена актуальность темы: биоархеологическая характеристика древнего населения через изучение остатков его материальной культуры и образа жизни, попытка уточнить его происхождение и связи. Более того, современные направления в биоархеологии предполагают разностороннее изучение останков человека, интегрируя биологический и культурный контекст погребального источника, в этом она созвучна социальному направлению в археологии [Knüsel, 2010].

В русле таких исследований материалы раскопок погребений занимают совершенно определенное место, позволяя рассматривать особую форму адаптации населения к внешним и внутренним условиям среды

[Бужилова, 2005]. При этом комплексное понятие среды включает не только природную, но и созданную человеком – социальную [Общая палеоэкология, 2000].

Рассмотрению этого корпуса сведений посвящена диссертационная работа. В ее основе – хорошо известный источник, который благодаря междисциплинарному подходу получил новое содержание и интерпретации, где известные материалы рассматриваются по принципу от общего к частному и от частного к особенному. Между тем с момента исследовательского подъема в археологии саргатской культуры 70–90-х гг. прошлого века существенно увеличилась источниковая база по Притоболью. Изучение опорных памятников этого локального варианта проводилось в междисциплинарной парадигме [Daire et al., 2002], позволяя прорабатывать новые подходы и анализировать социальные аспекты [Шарапова, 2018а; 2018б; Шарапова, Ражев, 2013; 2016; Шарапова и др., 2014; 2019; 2020; 2022 и т.д.]. Более того, активизация междисциплинарных проектов в урало-сибирской археологии способствовала успешной апробации биоархеологического подхода уже для памятников других территорий и эпох [Шарапова и др., 2016; Луайе, Шарапова, 2017; Корякова и др., 2018; 2019; Карапетян и др., 2019; Vlôcher et al., 2023 и т.д.].

Целью исследования является биоархеологическая характеристика населения лесостепного Зауралья и Западной Сибири в раннем железном веке на основе комплексного анализа материалов курганных захоронений. Исходя из этого, ставятся следующие *задачи*: 1) систематизация, анализ и обобщение материалов раскопок погребальных памятников раннего железного века в пределах ареала распространения саргатской культуры; 2) формирование информационных блоков (электронных таблиц) по погребениям локальных серий саргатской культуры для всех возрастных групп с учетом половозрастной и морфологической принадлежности изучаемых индивидов, результатов палеопатологических определений, данных палеогенетического анализа; 3) дополнения к существующей характеристике погребальной обрядности с привлечением данных полевой антропологии; 4) ревизия и уточнение существующих датировок погребальных комплексов саргатской культуры; 5) обоснование верхней хронологической границы саргатской культуры; 6) сопоставление результатов палеоантропологического и палеогенетического изучения скелетных останков и археологического контекста; 7) поиск вероятных объяснений выявленным палеопатологическим проявлениям сквозь призму социальной среды; 8) обобщение и интерпретация полученных данных, их оценка с позиций социальной археологии.

Объектом исследования является население раннего железного века в границах лесостепной зоны Зауралья и Западной Сибири.

В качестве **предмета исследования** выступают материалы археологических раскопок погребальных памятников изучаемого региона.

Источниковая база работы представлена материалами раскопок 41 памятника (208 курганов и восемь бескурганых погребений), исследованных с конца 1960-х гг. до 2021 г. Анализируемая выборка включает 674 погребальных комплекса, из них девять кенотафов. Поскольку наличие палеоантропологических определений является принципиальным, единицей анализа является индивид, а не погребение. Изученная серия представлена останками минимум 694 индивидов, обследованных по аналогичным системам признаков [Ражев, 2009; Чаиркина, 2011; Зубова и др., 2014; Чикунова, 2017; Шарапова, 2021]. Корпус источников дополнен данными по поселенческим памятникам, раскопанным широкими площадями и изученным наиболее полно.

Хронологические рамки исследования определяются периодом существования саргатской культуры на территории лесостепи Зауралья и Западной Сибири – V вв. до н.э. – III в. н.э. Традиции материальной культуры и обрядности аборигенных групп предсаргатского времени (впоследствии включенных в сферу влияния саргатского населения), не только обусловили специфику западного ареала, но и позволили проанализировать древности саргатской общности. Верхняя дата определяется исчезновением основных (диагностических) черт саргатской культуры в границах лесостепи.

Географические рамки работы охватывают лесостепную зону Зауралья и Западной Сибири: бассейны рек Иртыш, Ишим, Тобол и их притоков. Это соответствует современной Новосибирской, Омской, Курганской, Тюменской и Свердловской областям РФ, а также Северо-Казахстанской области РК. Данная территория известна как основной ареал распространения как саргатских древностей, так и стереотипов культуры на его окраинах (саргатская общность).

Методологической основой исследования являются принципы историзма, системности и объективности, традиционно используемые в отечественной археологии как исторической науке, изучающей историю человечества по материальным остаткам. Они обеспечиваются интегрированием разнообразных методов (синтеза, сравнительно-типологического, датированных аналогий) и отвечают комплексному анализу материалов археологических раскопок, определяются поставленными задачами и состоянием корпуса источников. В рамках междисциплинарного подхода в работе широко привлекаются естественно-научные

данные: палеоантропологические, палеогенетические, радиоуглеродного датирования, археологического почвоведения. Такой способ реализации в общем русле отечественных исследований реконструирует среду обитания, включающей и материальную культуру, и социальные отношения. В работе использованы результаты изучения тафономических трансформаций, неспецифических маркеров стресса, реконструкция физической активности, предпринятых на палеоантропологическом материале [Ражев, 2009; Шарапова, Ражев, 2013; 2016; Шарапова и др., 2014; 2020; Луайс, Шарапова, 2017; Карапетян и др., 2019 и т.д.]. Сопоставление результатов палеопатологического обследования скелетных останков из могильников в археологическом контексте и поиск соответствия разным данным в диссертационном исследовании опираются на интерпретационное направление западной постпроцессуальной археологии, с выбором социального, кросс-культурного и контекстуального подходов [Shanks, Tilley, 1987; Hodder, 1989; Hodder, Hutson, 2003; Trigger, 2007; Pikirayi, 2009; Hales, Hodos, 2010; Agarwal, Glencross, 2011; etc.], активно используемые в современной российской археологии [Крадин, 1992; 2001; Корякова, 2006; 2007; Васютин и др., 2005; Koryakova, Epimakhov, 2007; Kradin, 2011 и др.].

Научная значимость диссертации заключается не только в анализе и обобщении значительного по объему массива данных, полученных в ходе полевых, камеральных и лабораторных междисциплинарных исследований материалов археологических памятников раннего железного века лесостепной зоны Зауралья и Западной Сибири, но в развитии биоархеологического направления в изучении саргатской культуры. Введена в научный оборот новая информация, раскрывающая особенности погребальной обрядности населения региона, его образа жизни, социальных отношений. Обосновано уточнение верхней хронологической границы саргатской культуры. Тщательная ревизия материалов старых раскопок позволила скорректировать существующие интерпретации. Результаты исследований в русле разных дисциплин (археологии, палеоантропологии, палеогенетики и др.) не только демонстрируют возможности различных подходов по отдельности: сведенные вместе, они представляют многомерную характеристику древнего социума, подчеркивая научный потенциал и перспективы биоархеологических реконструкций как в масштабах саргатской культуры, так и древнего населения Евразии в целом.

Научная новизна обусловлена широким пространственно-хронологическим диапазоном и контекстом. Саргатские древности впервые стали предметом междисциплинарного изучения в масштабах всей

культуры, которое опирается на максимально доступный круг источников, включая хорошо документированные результаты полевых работ Зауральской лесостепной археологической экспедиции в Притоболье (УрГУ/ИИиА УрО РАН; далее – ЗЛСАЭ) и раскопки автора в Среднем Прииртышье. Новое осмысление материалов обеспечивается комплексным источниковедением. Привлечение результатов палеоантропологического анализа в качестве отправной точки исследования не только сформировало источник, равноценный археологическому, но и позволило дать всестороннюю характеристику древним обитателям региона, в том варианте, в котором они реконструируются по археологическим и антропологическим данным. Биоархеологические аспекты исследования, рассмотренные в контекстном археологическом ракурсе, относятся к категории новаций. Часть материала впервые включена в обобщающую работу по саргатской культуре. На сравнительном фоне обсуждаются вопросы хронологии, возрастные и социальные аспекты, материальная атрибутика погребений.

Практическая ценность. Результаты могут быть использованы при изучении древней истории населения Урала и Сибири, при написании обобщающих трудов по археологии и истории, в разработке лекционных курсов, при создании учебных пособий для студентов, в музейной работе. Материалы исследования могут привлекаться для дальнейшего изучения древностей саргатской культуры, полученных в ходе новых полевых работ.

Личное участие автора в получении результатов исследования. Материалы одиннадцати могильников получены автором или при участии автора в Зауралье и новых работ в Среднем Прииртышье. Соискателем обработаны полевые отчеты о раскопках, хранящиеся в архивах Института археологии РАН и Института истории и археологии УрО РАН, фондах и архиве Археологического музея УрФУ (прежде – архив Кабинета археологии УрГУ), Музейного комплекса ОмГУ, публикации памятников¹ и введены в научный оборот результаты биоархеологического изучения саргатских древностей.

¹ Искренняя благодарность адресована коллективу российско-французского проекта: Л.Н. Коряковой, М.-И. Дэйр, А.А. Ковригину, П. Курто, Л. Лангвету, Ж.-П. Потро, Д.И. Ражеву, М.-С. Юже, в тесном контакте с которыми отработан не один полевой сезон в Зауралье. Выражаю глубокую признательность Л.Н. Коряковой, В.И. Молодину, Л.В. и С.Ф. Татауровым, А.Я. Труфанову за возможность использования материалов из отчетов; А.С. Пилипенко за информацию по палеогенетическим исследованиям; Д.В. Киселевой за проведение анализа соотношения изотопов стронция. Самые теплые слова симпатии обращены друзьям и коллегам из Берлина, Бреста, Волгограда, Екатеринбургa, Киева, Кракова, Москвы, Новосибирска, Омска, Сургута, Тюмени, Уфы, Франкфурта-на-Майне, Челябинска, Энема за их неподдельный интерес, многочисленные

Положения, выносимые на защиту:

1. Устоявшиеся представления о хронологических рамках саргатской культуры охватывают интервал V в. до н.э. – IV–V вв. н.э. Исследования последних лет, как на основной территории, так и за пределами саргатского ареала, дают основания для уточнения поздней даты. Комплексы, маркирующие верхнюю хронологическую границу культуры, известны в семи могильниках в Притоболье и Приишимье: Савиновском, Тютринском, Гаевском 1, Абатском 3, Ипкульском, Покровском и Явленка 1. Судя по имеющемуся материалу, во второй половине III в. н.э. происходят угасание и размывание основных черт саргатской культуры, она отсутствует на большей части лесостепи к востоку от Урала, что выглядит довольно резким. Археологическим проявлением этого является исчезновение ярких выразительных комплексов, определявших облик саргатской социокультурной системы.

2. Различия в отношении маркеров физической активности в совокупности с маркерами питания и состояния здоровья, разделившие разнополых взрослых саргатской курганной выборки на две морфологические группы, условно названные «активный» и «спокойный» морфотипы [Ражев, 2009], находят соответствие в археологическом материале.

3. В саргатском обществе социальные маркеры наряду с другими представлены и обычаем кольцевой деформации головы. Несмотря на малочисленность, что позволяло бы говорить о принадлежности к группе «избранных», захоронения людей с деформированными черепами располагались на периферии подкурганной площадки, заметно уступая погребальным комплексам, устроенным с особой пышностью и огромными трудозатратами. Совокупность археологических данных – узкие могильные ямы, наличие нишеобразных расширений для установки заупокойных даров, погребальный инвентарь – позволяет синхронизировать эти комплексы с позднесарматскими Южного Приуралья II–III вв. н.э.

4. Небольшое количество травматических повреждений, относимых к разряду боевых, не позволяет признать саргатское общество воинственным. Согласуются с этим единичное количество боевых ранений у женщин и отсутствие в саргатской курганной выборке останков детей со следами насильственных травм, а также материалы раскопок саргатских городищ, где не зафиксированы сколько-нибудь заметные следы пожаров, нет и следов опустошительных вторжений и их жертв. «Изобилие»

обсуждения и помощь с литературой. Доброжелательная атмосфера работы в архивах и библиотеках создавалась сотрудниками Археологического музея УрФУ, Евразийского отдела Германского археологического института, ИА РАН, Института археологии и этнологии РАН в Кракове, ОмГУ, Франкфуртского университета.

оружия следует считать социальным маркером. Состав репрезентативных инсигний универсален и связан с мужской субкультурой.

5. Материалы раскопок курганных могильников лесостепи не позволяют принять гипотезу о существовании в саргатском обществе женщин-воительниц [Корякова, 1988; 1994б; Матвеева, 2000; 2005; Берсенева, 2005; 2011а; 2011б; Berseneva, 2008]. Единичные находки наколочников стрел, кинжалов, элементов сбруи в погребениях не отражают участия женщин в воинских формированиях в качестве лучниц. Конская сбруя может быть интерпретирована как часть воинского набора, но только во взаимосвязи с предметами вооружения.

6. Захоронения женщин старшей возрастной группы сопровождались несколько большим количеством ритуальной пищи, остатки которой зафиксированы в погребениях в виде костей животных (от двух-трех частей туши) и сосудов (до пяти емкостей).

7. Материалы могильников отражают социальную легитимацию погребального обряда населения саргатской культуры. Родственные связи, несомненно, были одним из условий захоронения в кургане. Существование практики отсроченных похорон позволяет утверждать сложный и разносторонний характер мотивов погребения и/или подхоронения в кургане. В их числе – сезонный характер захоронений, а также социальное родство, когда умершие не являлись близкими родственниками по материнской и отцовской линиям. Другая возможная причина – более отдаленные варианты родства. Факт достижения «социальной зрелости» определялся уровнем физического развития ребенка.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации изложены в докладах на российских и международных научных конференциях: I–III Северных археологических Конгрессах (Ханты-Мансийск, 2002, 2006, 2010); Грязновских чтениях (Омск, 2006, 2017); всероссийской конференции «Человек и Север: антропология, археология и экология» (Тюмень, 2012); всероссийском научно-практическом семинаре «Культура, социум и человек в эпоху палеометалла (Урал и Западная Сибирь)» (Челябинск, 2013 г.); IX–XI международных научных конференциях «Проблемы сарматской археологии и истории» (Оренбург, 2016; Севастополь, 2019; Волгоград, 2023); IV научной конференции «Археологические источники и культурогенез» (Санкт-Петербург, 2017); международной конференции «Вещь в контексте погребального обряда» (Москва, 2020); ежегодных конференциях Европейской Ассоциации археологов (Санкт-Петербург, 2003; Краков, 2006; Задар, 2007; Гаага, 2010; Хельсинки, 2012; Берн, 2019); междисциплинарной конференции «Serica-Da Qin. Over 2000 years of Sino-Western relations»

(Вроцлав, 2009); археологических семинарах Жешувского университета (Жешув, 2009) и Института археологии и этнологии РАН (Краков, 2009, 2013); международных конференциях «Contact zones of Europe from the 3rd mill. BC to the 1st mill. AD» (Москва, 2017), VI Нижневолжской «Волго-Уральский регион от древности до средневековья» (Волгоград, 2021), «Евразия в энеолите – раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий)» (Санкт-Петербург, 2022), «Современные решения актуальных проблем евразийской археологии» (Барнаул, 2023). Отдельные главы и диссертационная работа в целом были представлены на заседаниях Центров археологии и этнографии ИИиА УрО РАН, Отдела теории и методики ИА РАН, кафедры археологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Итоги многолетних исследований и основные положения автора по социальной археологии и междисциплинарному изучению материалов бронзового и раннего железного веков обобщены в 67 печатных работах на русском, английском, немецком и французском языках, включая 35 публикаций в ведущих рецензируемых изданиях (Перечень изданий МГУ, WoS, Scopus, RSCI, Перечень ВАК), авторскую монографию и главы (разделы) в 8 коллективных монографиях, изданных в России и за рубежом, а также 56 статьях и тезисах, не включенных в автореферат.

Структура работы. Диссертация состоит из двух томов. Том 1 содержит введение, четыре главы, заключение, список использованных источников и литературы. В томе 2 представлен иллюстративный материал.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснованы актуальность, новизна, научная и практическая значимость исследования, сформулированы цель и задачи работы, указаны географические и хронологические рамки диссертации, ее источники.

Глава 1. История изучения зауральско-западносибирских древностей и характеристика источников. Приведена история выявления и изучения древностей раннего железного века региона: с момента кладоискательства в XVII–XVIII вв. до конца XX в. Представленная информация демонстрирует трансформацию отношения к древней культуре региона, дошедшей до потомков в археологизированном виде.

На начальной стадии основной движущей силой было любопытство, стимулировавшее интерес к изучению старины. Однако уже тогда выдвигались первые гипотезы о населении края в далеком прошлом.

Этот интерес, выразившийся часто в варварских формах и приведший к появлению профессиональных «грабителей-бугровщиков», возросшие масштабы приобрел уже в период освоения восточных земель Российской империи в XVIII в. Сейчас не вызывает сомнения связь некоторых предметов из Сибирской коллекции с саргатскими курганами. Это стало возможным благодаря кропотливым усилиям и развернутой аргументации А.В. и Н.П. Матвеевых после предпринятых ими раскопок Тютринского могильника [1987, 1991]. Изучение археологических памятников на просторах зауральской и западносибирской лесостепи было начато в разное время, восточнее Тобола – значительно позднее, и этот период растянулся почти на два столетия. Направляемые за Урал специалисты были новаторами в создании большинства музейных коллекций, их усилиями формировались материальные свидетельства, определившие и типичность, и своеобразие саргатских памятников. Начало научного интереса к ним было положено раскопками Коконовских и Саргатских курганов в Прииртышье [Левашева, 1928; 1948], материалы которых были синхронизированы с сарматскими [Дмитриев, 1928].

Вторая половина XX в. знаменует масштабность полевых работ, результатом которых стали необычайно высокий прирост фактического материала и необходимость его упорядочивания и систематизации. Археологическая карта региона дополнилась культурно-хронологическими группами и типами памятников, характеризующихся и мозаичностью распространения, и стилистической вариативностью керамики. Ведущая роль в сложении археологического облика эпохи железа в лесостепи от восточных склонов Урала до Барабы отводится саргатской культуре. Внушительная источниковая база легла в основу исследований и культуры в целом, и отдельных аспектов, которые проводились в конце XX – начале XXI вв. [Полосьмак, 1987; Корякова, 1988; 1994; Погодин, 1991; 1997; 1998; Матвеева, 1993; 1994; 1999; 2000; 2005; Довгалюк, 1995; Багашев, 2000; Берсенева, 2005; 2011]. Однако ревизия и критическое переосмысление ряда существующих положений [Шарапова, Ражев, 2013; Шарапова и др., 2014; Шарапова, 2020] позволяют решать старые научные проблемы в исследовании саргатской культуры на новом уровне, что нашло отражение в диссертационной работе.

Глава завершается обзором используемых археологических источников и антропологического материала. Сведения о них включены в таблицы 1–3, содержащие информацию о количестве раскопанных курганов и могильных ям, степени сохранности захоронений и количеству индивидов в анализируемых могильниках. В плане культурной атрибуции – это погребальные памятники, оставленные носителями

саргатской культуры, а также аборигенными группами Урало-Иртышской провинции, входившими в сферу саргатского влияния на разных этапах развития. Основу антропологической части источника составили определения Д.И. Ражева, в ряде случаев выполненных совместно с П. Курто (35 из 41 памятника), которые были дополнены результатами работ А.Н. Багашева, М.К. Карапетян, О.Е. Пошехоновой, Е.О. Святой, С.М. Слепченко, группы Т.А. Чикишевой. В археологическом плане не все источники равноценны по качеству и представительности: сказались отсутствие хорошо документированного контекста в старых отчетах, несовершенство сбора остеологического материала, отсутствие публикаций для большинства памятников Прииртышья. В этом отношении заметно отличаются материалы Притоболья: при раскопках десяти из 17 могильников реализовывались междисциплинарные по своим задачам исследования. Погребальные комплексы могильников Прыговский 2, Сопининский 1, Гаевский 1, Мурзинский 1 и 3, Куртугуз I, Карасье 8 и 9, Щучье 1, Скаты 1 не только стали опорными в предлагаемой диссертационной работе, но и могут рассматриваться таковыми в целом в археологии саргатской культуры (общности). Новый уровень комплексного биоархеологического изучения представлен полевыми исследованиями автора в Среднем Прииртышье.

Глава 2. Саргатская культура на археологической карте железного века. При описании территории и особенностей распространения поселений и могильников подчеркивается, что имеющиеся в распоряжении археологов памятники отражают лишь степень изученности региона/эпохи/культуры. Реальность такова, что одни неизвестны, другие не сохранились. Массив полевых работ, в ходе которых были получены основные сведения, приходится на уже далекие 1960–1980-е гг.

Признание факта существования в лесостепной зоне от Барабы до Притоболья группы памятников с характерными чертами материальной культуры, фиксируемыми, прежде всего, в керамике и домостроительстве, а также в погребальной обрядности, позволило сформировать и закрепить таксон «саргатская культура». Между тем отмечаемое археологами локальное и хронологическое многообразие потребовало выработки новых аналитических конструкций. Совокупность образований в пределах Тоболо-Иртышской провинции в раннем железном веке Л.Н. Корякова объединила в рамках саргатской общности. При всей мозаичности распространения им свойственны схожесть вещевого комплекса, близкие формы культуры, хозяйственной деятельности и ее результатов [Корякова, 1991]. В целом оба понятия – культура и общность – широко употребляемы в иерархии социумов. В сложном процессе историко-культурного

развития фактор среды, природной/географической и социальной, является довольно устойчивым индикатором изучаемых групп населения. С учетом этого включение в работу древностей саргатской общности позволило анализировать материалы, в хронологическом отношении предшествующие сложению саргатской культуры или совпадающие с ней (мог. Скворцовская гора V, Куртугуз I, Скаты I).

Анализ материальной культуры, изучение погребальной обрядности обитателей западносибирской лесостепи в целом и отдельных районов проводился В.Е. Стояновым, В.А. Могильниковым, Л.Н. Коряковой, Н.В. Полосьмак, Н.П. Матвеевой, Л.И. Погодиным, Н.А. Берсеневой. Поэтому характеристика материального мира и обряда дана с акцентом на результаты работ ЗЛСАЭ, а также на те аспекты погребально-поминальной практики, которые не получили должного описания прежде.

Фортификации аборигенов лесостепи и саргатских групп демонстрируют схожие элементы, что В.А. Борзунов объясняет их развитием в условиях определенной зависимости друг от друга [1994]. Поселения представлены неукрепленными поселками и городищами – мысовыми и береговыми с замкнутой линией обороны, с разным количеством площадок. Разница в размерах саргатских поселков позволила говорить о существовании городищ-центров с обширным примыкающим посадом (округа, слобода). К таковым отнесены Рафайловское [Матвеева, 1993] и Павлиново [Среда, культура..., 2009] в Притоболье. Многолетние раскопки Павлинова городища показали, что посад вокруг крепости со временем разрастался, однако это не было непрерывным процессом. Состав коллекций крепости и посада не дает прямых доказательств различий в статусе их обитателей; схожи и архитектурные решения жилищ внутри и за пределами укреплений. Однако обнаружена разница в видовом соотношении домашних животных: на городище отмечено явное преобладание костей лошади, а на посаде – крупного рогатого скота. Допускается, что наблюдаемое различие отражает большую степень подвижности скотоводства и, следовательно, более высокий статус обитателей крепости. Одной из отличительных черт домостроительства считается устойчивое сочетание одно- и двухкамерных построек с различной глубиной котлована.

Населенность лесостепных поселений реконструирована только для Рафайловского [Матвеева, 2000; Чикунова, 2006] и Павлинова [Среда, культура..., 2009] городищ. Так, гипотетическая численность проживавших на территории посада Павлинова городища составляет около 900 человек, а в пределах укреплений – 120 [Среда, культура..., 2009]. Иными словами, в период расцвета (конец I тыс. до н.э. – рубеж эр) на

поселении проживали многие сотни человек, при этом крепость из-за своей малой площади не могла быть убежищем для многочисленных обитателей посада. Высказанное ранее предположения о существовании преднамеренного отбора для подкурганного обряда [Ковригин, Ражев, 1997] допускает, что группа людей, оставившая курганы Сопининского 1 могильника, могла проживать в крепости Павлинова городища.

Сведения о культовых площадках фрагментарны. Они известны на Тоболе (Савиновский мог., кург. 3), Ишиме (мог. Абатский 1) и Иртыше (мог. Андреевка V). Культовая площадка в составе Савиновского могильника остается пока единственным раскопанным объектом и ассоциируется с кругом саргатских древностей [Матвеев, Матвеева, 1991].

Археологические материалы демонстрируют отсутствие погребений у местного населения, оставившего поселения с керамикой носилового, байтовского, воробьевского типов. Возможно, что они хоронили альтернативно ингумации под курганом. Данные раскопок могильников Скворцовская гора V и Куртугуз I содержат немногочисленные сохранившиеся элементы обрядности населения начальной стадии железного века, практиковавшего наземные захоронения и кремацию на стороне, использование в обрядовой практике дикой фауны и металла в вещевом комплексе [Ковригин, Ражев, 2007; Чаиркина, 2011]. Поздние погребения с кашинской керамикой во рву кургана 2 могильника Абатский 3 [Матвеева, 1994] также совершены по некурганному обряду.

Погребальный обряд носителей саргатской культуры предполагал ингумацию с последующим возведением кургана или захоронение в уже имеющейся насыпи. Его появление в лесостепи связывают с кочевыми кланами, члены которых имели более высокий социальный статус в саргатском обществе, включая и тот его компонент, который соотносится с гороховской культурной традицией [Корякова, 1994б; Матвеева, 1994]. Другая часть населения могла быть похоронена иначе. На такую возможность указывают бескурганное захоронение Сопининского 1 могильника и погребение за пределами кургана 3 в могильнике Скаты 1. Топографически фиксируемые отличия в расположении разных по величине курганов и их количество в некрополях нуждаются в проверке археологическими раскопками для уточнения их гипотетически возможной иерархии и/или разновременности², однако необходимо учитывать и масштабы антропогенного разрушения древних кладбищ. Иногда вокруг кургана сооружался замкнутый или прерывистый ров. Погребения углублены в материковый слой или древний дневной горизонт.

² Результаты исследований автора в Среднем Прииртыше допускают наличие временных и статусных различий разных по величине и удаленности групп курганов.

Могильные ямы с нишами в торцевой или продольной стенках не столь типичны для саргатской культуры. Среди учтенных в работе могильников известно всего *три* таких объекта – все с территории Притоболья, маркируют позднюю группу погребений (мог. Гаевский 1, кург. 6, погр. 1; Карасье 9, кург. 11, погр. 2; Тютринский, кург. 2, погр. 2). Преобладает ориентировка умерших головой в северный и северо-западный сектор. Отклонения от господствующих направлений связывают не только с локальными проявлениями обрядности [Корякова, 1988], но и с круговым расположением периферийных захоронений, большинство из которых было совершено позднее центральных с соблюдением планировочной структуры. Подтверждения этому есть в могильниках Гаевский 1, Сопининский 1, Прыговский 2 и др. Остатки напутственной пищи фиксируются в виде костей животных и сосудов. Сопроводительный инвентарь включал предметы вооружения и быта, украшения, разнообразный импорт (там, где он обнаружен). Помимо погребений мужчин, женщин и детей, из анализируемых саргатских курганов происходят девять кенотафов. В материалах Барабы сведений о них нет.

В целом можно говорить о каноничности курганного способа погребения и его устойчивых чертах на протяжении веков. В то же время исследования опорных памятников в Притоболье с участием полевых антропологов позволили детализировать некоторые стороны погребального обряда [Ковригин и др., 2006; Шарапова, 2000; 2002; Шарапова и др., 2020]. Так, практика *отсроченных* похорон прежде не была известна, факт ее существования был установлен на основании посмертных изменений: нарушение анатомически правильного положения костей, преимущественного верхнего отдела скелета (бескурганное погребение Сопининского 1 мог., мужчина 25–35 лет; мог. Карасье 9, кург. 11, погр. 2, женщина 40–50 лет). Умершие были завернуты в *мягкий материал* (войлочная кошма) с фиксацией основных отделов скелета. Внутри предполагаемого кокона смещались те скелетные элементы, соединения которых менее устойчивы к разложению; захоронение произошло, когда мягкие ткани уже успели частично разложиться, что допускает длительную транспортировку, вызванную сезонностью обряда и/или намерением подхоронить именно в этом кургане/могильнике. Вариант гробовища, когда тело было обложено *досками*, реконструирован в Гаевском 1 могильнике (кург. 3, погр. 5, женщина 50–60 лет). На это указывают как древесный тлен, отмеченный только вдоль костяка, так и положение позвоночника, который находился ниже боковых частей скелета, как это бывает, когда могила имеет вогнутое дно. Скрывающий тело покров мог быть из *плотного*, но *гибкого материала* (кожа, текстиль),

скрепленного в области плеч, таза и колен, но при этом захоронение не имело признаков отсроченности (мог. Гаевский 1, кург. 6, погр. 1, подросток 10–12 лет). Иногда труп вместе с оружием был обернут в *мягкое покрывало* (кожаное/войлочное/текстильное) с фиксацией корпуса (мог. Гаевский 1, кург. 6, погр. 2, мужчина 20–25 лет). Неестественно изогнутый позвоночник, правое плечо выше левого также указывают на отсутствие дополнительных конструкций и неровное дно погребальной камеры. На уровне заплечиков могильная яма имела поперечное перекрытие из дерева. *Мягкие пелены* и положение на правом боку, близкое к позе эмбриона, реконструированы для умершего младенца (мог. Сопининский 1, кург. 1, погр. 1, ск. 3). Погребальный сверток был плотно вложен в созданную в стенке центральной могилы нишу и закрыт грунтом. В пользу последнего говорит то, что разрозненные кости недалеко удалены от тех, что расположены *in situ*. Захоронение *без фиксирующих приспособлений* было совершено в могильнике Щучье 1 (кург. 3, погр. 3, женщина взрослая). На уровне древней дневной поверхности могила была перекрыта продольно-поперечной конструкцией из бересты и деревянных плах, на которых отмечены следы воздействия огня.

Инвентарь многих захоронений значительно разнообразнее поселенческого, наряду с керамикой включает предметы вооружения, воинской амуниции, принадлежности костюма, импорт и т.д., представлен широко распространенными образцами, находящими соответствие в типологическом контексте материальной культуры железного века Евразии. Иное дело – керамика, которая легко узнаваема и, отличаясь заметным своеобразием, в большей степени, чем погребальный обряд, является индикатором культуры. Исходя из убеждения в многоаспектности вещи в погребальном обряде, разнообразии ее трактовок, в диссертации обсуждаются частные сюжеты о некоторых предметах, их сочетания с другими категориями инвентаря, так как в существующих публикациях эти аспекты либо не рассматривались, либо небесспорны. Более того, анализируемый материал пополнялся новыми находками как на саргатской территории, так и за ее пределами. Эти данные стали основой хронологической оценки саргатских древностей. В ходе ревизии материалов старых раскопок новые наблюдения были сделаны для следующих предметов вещевого комплекса.

Саргатские *сосуды* лепные, с округлым или приостренным дном, в некоторых коллекциях есть плоскодонные емкости (большая их часть происходит с территории Прииртышья). С учетом датировки погребальных комплексов с такой керамикой и консерватизма навыков формообразования [Бобринский, 1978] высказано предположение, что

плоскодонная посуда горшечных форм получает распространение в лесостепи от рубежа эр до II–III вв. н.э. – одновременно с лепными кувшинами, имитирующими гончарные образцы. Между тем параллели последним обнаруживаются вне саргатской территории, например, в лепной керамике и сосудах-подражаниях керамическим импортам из курганов степей Южного Приуралья и Поволжья, стилистически близкие экземпляры имеются и среди посуды джетыясарской культуры в Восточном Приаралье.

Пряслица традиционно относят к полодиагностирующим атрибутам женских погребений, поэтому особый интерес вызывает их нахождение в захоронениях мужчин. В массиве анализируемых комплексов неграбленных могил оказалось семь, их принадлежность к мужским подтверждена антропологическими определениями (мог. Абрамово 4, кург. 22, погр. 5; Бещаул 2, кург. 2, погр. 7; Богдановка, кург. В, погр. 11; Исаковка 1, кург. 3, погр. 6; Коконовка 2, кург. 2, погр. 6; Стрижево 2, кург. 8, погр. 1; Савиновский, кург. 5, погр. 4). В большинстве своем называемые пряслицами изделия изготовлены из керамики, внутри могилы они находились в области черепа, у голени или стоп. Заслуживает внимания шаровидный предмет из белого камня в элитном исаковском захоронении. находка зафиксирована на правой тазовой кости, близ длинного меча, но далеко от рукояти, что позволяет ее отнести к детали портупейного ремня (украшение темляка), которым крепился меч. Аналогично оформленные клинки известны в погребениях сарматов, прикамских народов [Безуглов, 2000; Голдина, Липина, 2015]. Совместное нахождение клинкового оружия, наконечников ремней, пряжек, колец и шаровидных или дисковидных предметов позволяет отнести последние к декоративно-функциональным элементам крепления оружия, в иных случаях – к навершиям мечей (мог. Сидоровка, кург. 1, погр. 1). Факт нахождения пряслиц или предметов, традиционно ассоциируемых с ними, в погребениях детей также не поддается однозначной интерпретации. Атрибуты игры или игрушки редко рассматриваются археологами, чаще всего предлагается культовая или утилитарная функция артефакта. Очевидно также и то, что в большинстве случаев мы не можем установить их назначение и отдать предпочтение одному из вариантов.

В литературе [Корякова, 1988; Могильников, 19926; Матвеева, 19936; Погодин, 1998] даны описания *предметам вооружения и конской упряжи*. Эти данные могут быть дополнены новыми сведениями, полученными в ходе анализа материалов Тоболо-Иртышья. Так, почти все известные находки саргатских костяных наконечников стрел индивидуальны, среди них нет абсолютно одинаковых изделий.

Трасологический анализ, выполненный для костяных наконечников Сопининского 1 могильника, выявил следы неоднократной заточки. В коллекции Павлинова городища наконечники и их заготовки происходят с территории крепости: из заполнения построек второго строительного горизонта, датированного II в. до н.э. – I в. н.э. [Среда, культура..., 2009]. Вещевой комплекс Сопининского 1 могильника выделяется на фоне других и частотой встречаемости парных концевых накладок (шесть погребений из двух курганов). В притобольских материалах обнаружено, что накладки тесно связаны не только с предметами более позднего времени (удила с крупными кольцами, кашинская керамика), но и с устройством могил (узкие ямы, наличие канавообразных углублений, нишеобразные выступы), то есть отнесение сопининских накладок ко II в. до н.э. или немногим ранее возможно.

В саргатской культуре в целом были распространены удила простейшей конструкции без зажимов и диаметром колец до 4 см (например, Ипкульский, кург. 1; Абатский 1, кург. 3, погр. 10; Абатский 3, кург. 6). Особый интерес к известным экземплярам представляют удила, имеющие, кроме большего диаметра, дополнительные детали для крепления ремня поводаев в виде зажимов или прямоугольной петли не к кольцу, а к окончанию грызл. Они обнаружены в поздних комплексах Гаевского 1 могильника (кург. 6, погр. 1 и 2), в которых отмечены признаки позднесарматской культуры Южного Приуралья [Шарапова и др., 2020]. Учитывая данную специфику, эти удила можно было бы считать самостоятельным вариантом, диагностирующим локальную традицию [Шарапова, Малашев, 2022]. Однако в коллекциях других саргатских памятников подобные образцы неизвестны.

Кроме уздечных наборов ременная гарнитура представлена разнообразными пряжками и наконечниками ремней, но их типологические схемы даны обобщенно [Корякова, 1988; Матвеева, 1993б]. Анализ этой категории предметов с учетом признаков, отражающих эволюционные изменения [Малашев, 2000], выявил редкие виды пряжек с подвижным язычком, показательные для хронологической оценки лесостепных комплексов [Шарапова, Малашев, 2022]. Застежки с дуговидной формой рамки (мог. Исаковка 1, кург. 12, погр. 4 и Бещаул 3, кург. 1, погр. 3) восходят к римским образцам. Еще одной разновидностью римских прототипов являются лировидные или восьмерковидные застежки (мог. Богдановка 1, кург. 1, погр. 5 и Бещаул 3, кург. 1, погр. 3). Причем находки из Богдановки имеют высокую степень сходства с экземплярами, известными в Северной Бактрии – Тулхарский, Бабашовский и Аруктауский могильники [Мандельштам, 1966], что возможно только при

существовании непосредственных контактов населения саргатской культуры и южных районов Средней Азии. Пряжки с поперечной перекладиной (мог. Савиновский, кург. 5, погр. 3; Бещаул 4, кург. 2, погр. 1А; Исаковка 1, кург. 6, погр. 10) находят соответствия среди более ранних ременных застежек с выступом в передней части рамки в среднеазиатской и южносибирской культурной среде, что позволяет их рассматривать результатом синтеза – местная форма и установленный на ней подвижный язычок. Пряжки с округлой рамкой и подвижным язычком, скорее всего, являются результатом изменения конструкции ременных застежек на местной основе под влиянием импортных образцов. Они известны в погребениях всего ареала саргатской культуры. Проведенная работа позволяет рассматривать большую часть пряжек (за исключением дуговидных) производными от восьмерковидных или лировидных застежек, созданными в местной культурной среде. Их степень сходства/отличия от исходных образцов определялась региональными особенностями. Очевидно, что в зауральско-западносибирской лесостепи наиболее ранние варианты ременных застежек с подвижным язычком могли появиться не ранее второй половины I в. до н.э., а широкое распространение, вероятно, относится к первым векам н.э.

Находки ложечковидных наконечников-подвесок представлены как бронзовыми, так и железными экземплярами (иногда в одном комплексе, например, мог. Исаковка 1, кург. 3, погр. 6) с рельефными зооморфными изображениями (мог. Марково 1, кург. 24, погр. 2) и без орнамента (мог. Богдановка 2, кург. А, погр. 8; Сидоровка, кург. 2, погр. 3 и кург. 3, погр. 3; Савиновский, кург. 5, погр. 3; Абатский 3, кург. 6, погр. 9). Наконечники из могильников Богдановка 2 и Савиновский, судя по найденным в этих комплексах пряжкам, относятся, скорее всего, к I в. н.э. [Шарапова, Малашев, 2022].

Одночастные наконечники-подвески с прорезью в верхней части происходят из разрушенных погребений западного ареала (мог. Савиновский, кург. 5, погр. 3; Гаевский 1, кург. 7, погр. 3; Абатский 3, кург. 1, погр. 5). В погребениях восточных районов саргатской культуры подобные предметы представлены парой экземпляров из золота (мог. Исаковка 1, кург. 3, погр. 6), являющимися одними из наиболее ранних. Их датировка определяется по найденным в том же погребальном комплексе пряжке и северокавказскому кувшину [Шарапова и др., 2022] – не ранее второй половины I в. до н.э., скорее всего, около рубежа эр.

Глава 3. Вопросы хронологии и тафокомплекса. Разнообразие тематических направлений в изучении саргатских материалов не привело к единству взглядов и прежде всего в обсуждении вопросов хронологии,

даже после выхода новых публикаций [Зыков, Федорова, 2001; Ковригин, 2007; Матвеева, 2017б]. Датировка материалов опорных памятников устанавливалась в соответствии с периодизацией, разработанной Л.Н. Коряковой [1991; 1994]. В развитии саргатской культуры ею выделены этапы формирования или предсаргатский – VII–VI вв. до н.э.; подъема или саргатско-гороховский – V–III вв. до н.э.; стабилизации или собственно саргатский – II в. до н.э. – II–III вв. н.э.; трансформации или распада, именуемый позднесаргатским, – IV–V вв. н.э. Эта схема предложена с упором на относительную хронологию, оттого временные интервалы очень широки, отражают общую тенденцию с учетом данных по синхронным культурам. Необходимость ревизии существующих датировок погребальных комплексов сопряжена с рассмотрением «диапазонов активности» саргатского социума, а также с оценкой количественного соотношения индивидов в хронологических группах анализируемой выборки. Результаты этой работы даны в таблице 4 и отражены в диаграммах.

В отношении нижней хронологической границы саргатской культуры исследователи в целом единодушны – V в. до н.э., чего нельзя сказать о верхней дате. Подробное рассмотрение позднего этапа важно еще и потому, что он непосредственно связан с уточнением времени, когда перестают фиксироваться основные (диагностические) признаки культуры, оставленной исследуемым населением. За неимением убедительных датировок отдельных памятников, но принимая во внимание яркий позднесарматский облик некоторых саргатских погребений, референтными на этом пути могут быть позднесарматские находки Южного Приуралья с детально проработанной хронологией [Малашев, 2000; 2013]. Анализ источниковой базы выявил комплексы, относимые к погребениям поздней хронологической группы. Они представлены в материалах семи могильников в Притоболье и Приишимье [Шарапова, 2020].

В Приишимье поздняя группа есть на основной территории (мог. Абатский 3, кург. 1, погр. 5 и кург. 6, погр. 8) и на южной границе саргатского ареала (мог. Покровский, кург. 2, 4 и Явленка 1, кург. 5, 6). Датировка второй половиной II–III вв. н.э. определена по инвентарю [Боталов, Гуцалов, 2000; Ковригин, 2007] и единичным примерам кольцевой деформации головы.

Самым северным является Ипкульский могильник в подтаежной зоне Нижнего Притоболья, содержащий комплексы как заключительного этапа саргатской культуры, так и те, что со временем сформировали материальный мир и традиции населения последующей эпохи.

Саргатские признаки есть в погребениях курганов 1–5, 13, 18, 20, 24, датированных авторами раскопок III–IV вв. н.э. [Корякова, 1988; Чукунова, 2017]. Анализ ременной гарнитуры позволил скорректировать хронологическую оценку саргатских погребений – от второй половины II в. н.э. до второй половины (без финала столетия) III в. н.э. [Шарапова, Малашев, 2022]. В рамках этого же интервала могут рассматриваться серия деформированных черепов и устойчивые керамические традиции, которые подкрепляют принадлежность этих объектов к поздней группе саргатских погребений. Поздние и/или инокультурные (карымские, кушнаренковские) признаки допускают функционирование всего могильника вплоть до IV в. н.э. К поздней группе также отнесены впускные захоронения в могильниках Савиновский (кург. 5, погр. 3), Тютринский (кург. 3, погр. 3, 4 и кург. 10, погр. 3) и Гаевский 1 (кург. 3, погр. 4; кург. 6, погр. 1, 2; кург. 7, погр. 3).

Ключевым памятником для понимания исторических процессов финала раннего железного века в регионе можно считать Гаевский 1 могильник. В погребениях 1 и 2 кургана 6 предметы вооружения и конского снаряжения имеют аналогии как в материалах собственно саргатской культуры, так и памятниках западного ареала степного пояса Евразии. Низкие асимметричные заплечики и узкая погребальная камера, нишеобразное расширение (погр. 1) и кольцевая деформация головы умершего (погр. 2) вкупе с характерным инвентарем позволяют датировать оба комплекса не ранее второй половины II – первой половины III в. н.э., синхронизируя погребения позднего этапа саргатской культуры с позднесарматскими древностями. Механизм и формы взаимодействия лесостепных и степных групп еще предстоит изучить. Расположенные на периферии саргатского ареала могильники Ипкульский, Покровский и Явленка 1 демонстрируют лишь дисперсное существование осколков саргатской культуры в Тоболо-Иртышском междуречье.

Различные по своей причинности факторы привели к фрагментарности саргатского компонента, как на основной территории, так и на периферии лесостепи. На поселениях, среди которых по степени изученности выделяются Павлиново и Коловское городища в Притоболье, объекты, достоверно относящиеся ко II в. н.э. и позднее, не обнаружены [Матвеева и др., 2005; Среда, культура..., 2009]. Очевидно, вместо привычного названия этапа позднесаргатским, время от второй половины III в. н.э. следовало бы именовать постсаргатским, поскольку происходит угасание и размывание основных черт культуры. Если приведенные доводы верны, то исчезновение ярких выразительных комплексов, определявших облик саргатской социокультурной системы, выглядит

достаточно резким: саргатские памятники IV в. н.э. и позже мне не известны. Сказанное не означает тотальную депопуляцию лесостепи и ее окраин, в большей мере оно справедливо к археологическим проявлениям, не позволяющим фиксировать фазы сложения и распада культур. Несмотря на известные допущения, обусловленные искаженным характером археологической выборки по сравнению с реальной ситуацией, обращает на себя внимание связанность процессов в лесостепи и степи. Сокращение ареала позднесарматской культуры объясняют неблагоприятной для кочевого хозяйства гумидизацией, охватившей Южное Приуралье со второй половины III в. н.э., к финалу столетия достигшей волго-донских степей [Кривошеев, Борисов, 2019]. Допускаю, распад саргатской культуры был обусловлен комплексом причин, среди которых и дестабилизация политической обстановки в восточных районах Евразии, и не в последнюю очередь ухудшением климатических условий на обширной территории. В частности свидетельства локального увлажнения были получены для образцов погребенной почвы курганов Сопининского 1 могильника [Среда, культура..., 2009].

Смена исследовательской парадигмы в археологии саргатской культуры произошла после открытия бескурганых захоронений в Притоболье, их анализа с материалами поселений. Оценка палеодемографических показателей базируется на осознании того, что половозрастной состав погребенных в курганах индивидов является результатом преднамеренного социального отбора. Привлечение антропологического материала и разных возможностей его анализа позволяет более глубоко исследовать эту проблему. Полученные наблюдения обнаруживают некоторые тенденции, проявляющиеся на определенном пространстве и на определенном отрезке времени при изучении погребальных памятников.

Наличие «детских кладбищ» отмечается только для лесостепного гороховского населения, в то время как в саргатской погребальной практике такие случаи не выявлены. В определенном смысле это сближает обряд носителей гороховской культуры с раннесарматским обществом Нижнего Поволжья, которое определяется как традиционное с патриархальными устоями [Балабанова и др., 2015]. Половозрастное искажение саргатской курганной выборки обнаруживается еще на ранних этапах развития культуры (рис. 1) и близко демографическим показателям, наблюдаемым для сарматских культур в целом. Показательны комплексы постсаргатского этапа и синхронные им позднесарматские: практически полностью отсутствуют захоронения детей, а количество мужских погребений значительно преобладает над женскими. Однако

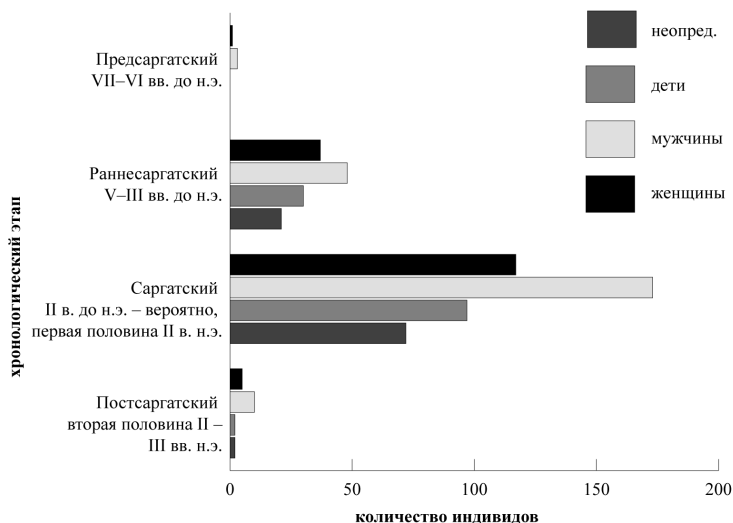

Рис. 1. Количественное соотношение индивидов в хронологических группах

палеодемографические характеристики не исчерпывают все многообразие информации о древнем населении, воссоздание которой возможно на археологическом материале.

Глава 4. Биоархеология лесостепного социума. Растущий интерес к междисциплинарной тематике, ориентированный в том числе на проведение палеогенетических и изотопных исследований, может иметь значительный потенциал, интегрируя биологические аспекты изучения антропологического материала и археологический контекст. Причем последний подразумевает анализ символики погребального обряда, тафономических процессов, культурных традиций и социальных групп [Hodder, 1989; Duda et al., 1990; Sofaer, 2006; Knüsel, 2010 и др.]. В свете предлагаемой характеристики населения саргатской культуры – синтез данных половозрастной принадлежности, морфологических особенностей погребенных, палеопатологических определений, палеогенетики. При таком подходе в фокусе внимания находится конкретный индивид, изучение скелетных останков которого в совокупности с археологическим материалом несет информацию о его образе жизни, культурных традициях, среде, в том числе социальной.

Маркеры физической активности – места прикрепления мышц и связок, артрозные проявления на суставных поверхностях – позволили

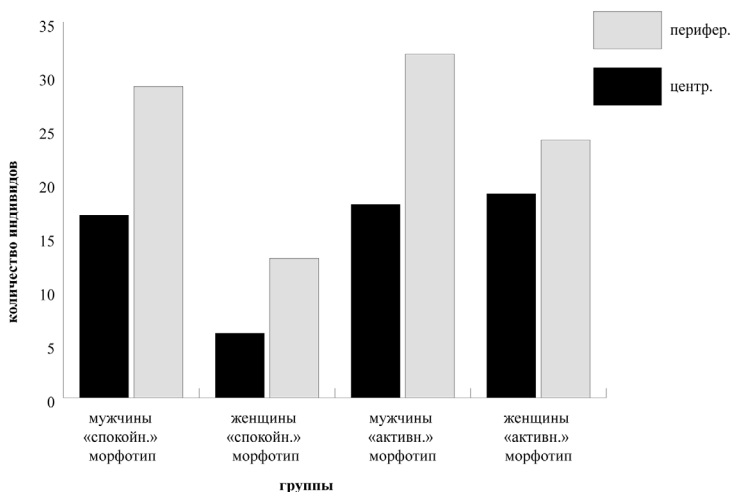

Рис. 2. Распределение мужчин и женщин, относящихся к разным морфологическим группам, по планиграфии погребений

Д.И. Ражеву [2009] разделить взрослую часть саргатской курганной выборки на две морфологические группы, условно названные «активный» и «спокойный» морфотипы, остеометрическим отражением этого является массивность скелетов. В материалах анализируемых могильников их соотношение составляет 1:1 для мужчин и 1:2,3 для женщин.

Недостаток питания в детском возрасте испытывали представители обеих групп, но в более выгодном положении оказывались дети, впоследствии сформировавшие «спокойный» морфотип [Шарапова, Ражев, 2016]. Обеспеченность пищевыми ресурсами иллюстрируют и археозоологические коллекции. Для Сопининского 1 могильника установлен забой скота в теплый сезон [Бачура, 2003]. Один из вариантов объяснения – связность ритуала и времени года: молодые особи лошадей, кости которых происходят из кургана 2, были забиты в конце весны – начале лета, что обозначает время совершения центрального (погр. 1, ск. 3, мужчина >35 лет, «спокойный» морфотип) и впускного (погр. 2, ск. 3, женщина 20–25 лет «спокойный» морфотип) захоронений. Наряду с другими, факт весеннего забоя, установленный по костям из скопленных в жилищах Павлинова городища, может указывать и на недостаток пищи в это время. Эти данные расходятся с этнографическими (скот забивают осенью и в начале зимы, когда животные находятся в наилучшей

форме, а мясо долго хранится). Способы раскола костей из скоплений обнаруживают добывание костного мозга и жира, а интенсивность их употребления тесно связана с количественной стороной рациона.

Захоронения мужчин и женщин «активного» и «спокойного» морфотипов располагались как в центре кургана, так и по периферии, среди них есть бесспорно впускные (рис. 2). Преобладают индивидуальные могильные ямы. Известно небольшое количество парных могил для людей одного/разного пола и возраста, но чаще всего это ограбленные «ярусные» захоронения. Подобные случаи устройства впускных погребений и попадания в контуры зафиксированы в центре кургана для представительниц «спокойного» морфотипа (мог. Сопининский 1, кург. 2, погр. 1, ск. 1, 30–45 лет и погр. 2, ск. 3, 20–25 лет; Мурзинский 3, кург. 3, погр. 2, 40–50 лет). Синхронность коллективных захоронений пяти взрослых мужчин (мог. Коконька 1, кург. 14, погр. 1; Богдановка, кург. 2, погр. 5) не исключается. В Притоболье надежно документирован случай парного разнополого погребения только для представителей «активного» морфотипа (мог. Мурзинский 1, кург. 8, погр. 1), а в курганах обнаружены комплексы как с гороховской традицией, так и с саргатской.

В пользу интерпретации курганов как семейных кладбищ не раз высказывались разные исследователи [Корякова, 1994б; Культура зауральских..., 1997; Матвеева, 2000]. В этой связи могут быть интересны материалы Гаевского 1 могильника. Разрушенное центральное захоронение (кург. 5, погр. 1) содержало останки двух мужчин одного возраста (35–40 лет), один отнесен к «спокойному» морфологическому типу, другой – к «активному», а зафиксированные дискретные признаки черепа позволили допустить значительную степень родства. У первого выявлен перелом голени, который привел к хромоте, заживление проходило в очень комфортных условиях [Шарапова, Ражев, 2016].

Мужская выборка выглядит довольно однообразной. Все захоронения мужчин «спокойного» и «активного» морфотипов датируются широким временным диапазоном – V в. до н.э. – III в. н.э. Погребальный инвентарь сопоставим с воинским. Неграбленные могилы содержали стандартный набор, состоявший из меча и/или кинжала, конской сбруи, лука и стрел, сосудов и остатков напутственной пищи в виде костей животных («спокойный» морфотип – мог. Исаковка 1 кург. 9, погр. 2, ск. 1, 30–45 лет; Карташево 2, кург. 1, погр. 5, 25–30 лет; «активный» – Карташево 2, кург. 6, погр. 4, 40–60 лет; Гаевский 1 кург. 6, погр. 2, 20–25 лет и т.д.). Также найдены ножи и/или тесла, оселки, фрагменты доспеха, элементы декора одежды и колчана: разнообразные бусины, пряжки, заклепки. В какой-то мере этот факт подтверждает предположение, что

для мужчин, вероятно, не существовало ограничений в выборе инвентаря [Шарапова, 2018а].

Иными оказались результаты анализа *женских* погребений. Захоронения женщин «активного» морфотипа датируются широким временным диапазоном, совпадающим с датировкой саргатской культуры в целом, в то время как комплексы, где были расчищены женские останки, относимые к «спокойному» морфотипу, – преимущественно последними веками до н.э. – первыми веками н.э. [Ražev, Šarapova, 2014]. Инвентарь включает разнообразные украшения и пряслица. Среди неграбленных могил безынвентарные единичны. Керамические сосуды были обнаружены практически во всех погребениях, исключение составили сильно разрушенные комплексы. Такая однородность по составу инвентаря не столь очевидна при более пристальном рассмотрении. Находки в захоронениях женщин «спокойного» морфотипа в некоторых случаях не содержат даже самых простейших украшений (мог. Карасье 9, кург. 11, погр. 2, 40–50 лет). При этом они более разнообразны с точки зрения качественного состава вещей и демонстрируют черты, которые принято относить к археологическим проявлениям социокультурной идентичности: кочевническая керамика и деформация черепа (мог. Карасье 9, кург. 11, погр. 2) или бронзовый котел вместо стандартного набора сосудов (мог. Тютринский, кург. 7, погр. 2, ск. 2, 30–50 лет). Обращает на себя внимание «обилие» ритуальной пищи, ее остатки в виде костей животных и почвенного содержимого в сосудах есть в неграбленных могилах женщин старше 40 лет – представительниц обоих морфотипов. В некоторых случаях, наряду с костными остатками от одной-двух особей, найдено до пяти сосудов в погребениях (Ипкульский, кург. 20, погр. 1) или там же и еще дополнительно в насыпи – три и шесть емкостей соответственно (Мурзинский 3, кург. 3, погр. 2, «спокойный» морфотип). Очевидна явная возрастная дифференциация, что не совпадает с выводом об отсутствии связи между возрастом и сопроводительным инвентарем [Берсенева, 2013]. За пределами саргатского ареала схожие наблюдения были сделаны для каменной культуры Приобья [Матвеева, 1999]. Не менее показательны и этнографические параллели: в траурной трапезе осетин сохранились половозрастная иерархия пиршества и регламентация пищи в ритуалах, смысл которых напрямую уже не связан с ежедневным потреблением [Уарзиаты, 1995].

В общесаргатской выборке весьма заметно отсутствие *детских* останков в материалах некоторых могильников: в Притоболье соотношение детей и взрослых составляет 1:9, а в Прииртышье – близкое 1:2. Допуская, что не все некрополи исследованы полностью, приходится

констатировать, что, по крайней мере, в раскопанных в них курганах детских могил нет: в Притоболье – в десяти из 17 (мог. Прыговский 2, Мурзинский 3, Куртугуз I, Карасье 8, Савиновский 1, Красногорский 1 и 2, Красногорский Борок, Скворцовская Гора V, Ипкульский), на Иртыше – в двух из 15 (мог. Бещаул 4, Новопокровка 16), в Пришимье – в одном из четырех (мог. Покровка), в Барабе – в одном из пяти (мог. Яшкино 1). При этом погребения незрелых совершались на всех этапах культуры, охватывая временной диапазон V–II вв. до н.э. – I–III вв. н.э. Выявленные изменения в составе инвентаря для разных когорт незрелых (с возрастом он становится разнообразнее) позволяют осторожно предположить, что полороловая социализация у девочек происходила чуть раньше, чем у мальчиков [Шарапова, Ражев, 2016]. Не исключается факт достижения «социальной зрелости» уровнем физического развития ребенка. Так, неграбленные погребения старшей группы содержат вещи, наличие которых известно далеко не во всех могилах взрослых (мог. Гаевский 1, кург. 6, погр. 1, 10–12 лет – воинский набор; Тютринский, кург. 5, погр. 2, 12–14 лет – парадные одеяния, плетка). Отдельные различия саргатской и гороховской погребальной обрядности, столь заметные в детских захоронениях IV–III вв. до н.э., вероятно, могут отражать две линии социально разделяемого поведения по отношению к детям, имевших в основе культурные различия.

В саргатском обществе социальные маркеры, помимо элементов костюма и вооружения, представлены и обычаем кольцевой деформации головы. В анализируемой выборке она определена у 39 индивидов в курганах Прииртышья, Пришимья и Притоболья среди мужчин только «активного» морфотипа, но среди представительниц как «активного», так и «спокойного» морфотипов. Характерной особенностью является слабо выраженная деформация [Шарапова, 2018б]. Сильная кольцевая деформация (мог. Карасье 9, кург. 11, погр. 2) наряду с практикой отсроченных похорон и керамической посудой стали основой гипотезы о внешнем происхождении индивида [Ковригин и др., 2007]. Планиграфия погребений позволила предположить, что изменение естественной формы головы не гарантировало ее обладателям высших ступеней. Могилы людей с деформированными черепами располагались чаще на периферии подкурганной площадки, заметно уступая погребальным комплексам, устроенным с особой пышностью и огромными трудовыми затратами. Другой отличительной особенностью этой практики в саргатской среде является ее малочисленность. Показательны и археологические проявления: узкие могильные ямы и наличие в некоторых из них нишеобразных расширений. Воинская экипировка в захоронениях

мужчин и их принадлежность к «активному» морфотипу сближает эту группу с позднесарматской серией, для которой реконструирована двигательная активность сильнее, чем в группах с недеформированными черепами [Балабанова и др., 2015]. В целом изменение естественной формы головы отличает этот немногочисленный сегмент от остальных носителей саргатской культуры. Примечательно, что в лесостепных могилах, где были обнаружены черепа с деформацией кольцевого типа, позднесарматской керамики нет. Но саргатские сосуды есть в расположенных компактно в пределах могильника Покровка 10 позднесарматских погребениях индивидов с деформированными черепами [Малашев, Яблонский, 2008]. Датировка лесостепных комплексов укладывается в рамки от рубежа эр до II–III вв. н.э. Однако возраст ранее первых вв. н.э. не может быть принят безоговорочно, а появление кольцевой деформации в саргатской среде позволяет обозначить северный вектор распространения этого обычая.

Между тем различные варианты «телесных» знаков и символов являются не только ценным источником изучения обрядовых норм древнего населения, но и своеобразным маркером агрессивности и неблагополучия социальной среды. К экстремальным проявлениям относят травмы черепа [Бужилова, 2005].

Заметная распространенность предметов вооружения и доспеха в сопроводительном инвентаре позволила утверждать, что образ жизни саргатского населения был военизирован [Корякова, 1988]. Допускались не только существование женщин-воительниц, но и военная напряженность и вооруженные противостояния (исходя из масштабности и усложнения фортификаций лесостепных городищ) [Матвеева, 2000; Матвеева и др., 2005; Берсенева, 2011]. С одной стороны, археологические данные не противоречат гипотезе о вовлеченности саргатского населения в военные конфликты. С другой – необходимо признать, что свидетельством участия в боевых столкновениях является не только наличие комплектов вооружения в погребениях, но и следы травматических повреждений на костях. Обращает на себя внимание небольшое количество травм черепа – всего одиннадцать из погребений всех локально-хронологических групп [Ražev, Šarapova, 2012].

Последствия вдавленных повреждений или компрессионных переломов на своде черепа для пострадавшего не особенно опасны, их можно рассматривать как результат бытовых столкновений. Они есть как у мужчин (мог. Абатский 3, кург. 2, погр. 10, ск. 1; Карташево 2, кург. 6, погр. 4), так и у женщин (мог. Гаевский 1, кург. 3, погр. 5; Абатский 3, кург. 2, погр. 10, ск. 3) «активного» морфотипа. Проникающие ранения

нанесены оружием, есть у мужчин (Абрамово 4, кург. 22, погр. 5; мог. Мурзинский 1, кург. 6, погр. 2, ск. 1; Богдановка, кург. 6, погр. 11, ск. 1; Бешаул 2, кург. 1, погр. 1; Ипкульский, кург. 1, погр. 3) и женщин (мог. Кокуйский 3, кург. 3, погр. 3, ск. 1; Марково 1, кург. 15, погр. 1). Абсолютное значение травм в саргатских коллективах невелико, с учетом повреждений посткраниального скелета их могло быть и больше. Кроме того, стоит учитывать, что ранения могли быть различной степени тяжести, затрагивающие только мягкие ткани, но повлекшие смерть из-за развития возможных осложнений с неблагоприятным прогнозом. Однако причины возникновения посткраниальных повреждений с равной долей вероятности могут быть следствием и агрессии, и определенных рисков, связанных с верховой ездой. Не противоречит этому единичное количество боевых ранений у женщин и отсутствие в саргатской курганной выборке останков детей со следами насильственных травм. Важно, что в материалах раскопок саргатских городищ не зафиксированы сколько-нибудь заметные следы пожарищ, нет и следов опустошительных вторжений и их жертв. Небольшое количество травм позволяет говорить о контактности и открытости социокультурной системы, представленной саргатскими древностями, а «изобилие» оружия следует считать социальным маркером. В археологии позднесаргатской культуры также появились публикации, меняющие мнение о высокой милитаризованности населения, поскольку уверенных случаев боевых ран не очень много [Кривошеев, Перерва, 2017], а в общей выборке позднесаргатских комплексов погребения с оружием занимают 23% [Кривошеев, 2020].

Еще одна картина физического уничтожения может быть представлена парциальными погребениями и кенотафами. Однако достоверных сведений о захоронениях отдельных частей человека в материалах старых раскопок не содержится, нет их и в опорных памятниках Притобольшья. В анализируемых могильниках выявлено девять кенотафов, датированных последними вв. до н.э. В большинстве своем (шесть из девяти) происходящий из них инвентарь сопоставим с мужскими комплексами. Вероятно, их количество могло быть и больше, но состояние грабленных объектов не позволяет уверенно разделить кенотафы и могилы. За пределами лесостепи известно небольшое число подобных символических захоронений, содержащих еще и женский или нейтральный по отношению к биологическому полу инвентарь [Малашев, Яблонский, 2008; Тур и др., 2018].

Из женских погребений саргатской культуры происходят отдельные виды оружия [Шарапова и др., 2014], что не только привлекает пристальное внимание, но и получает особую интерпретацию. Обнаруженные в

захоронениях женщин удила, нагайки (мог. Богдановка, кург. 3, погр. 4; Тютринский, кург. 5, погр. 2) находились за черепом. Стрелы, как правило, единичные, присутствуют в погребениях представительниц «активного» морфотипа, что может косвенно подкреплять гипотезу о лучницах. Между тем исследования кинематических схем физической активности саргатского населения, что можно рассматривать в качестве прямого признака для подобных интерпретаций, не выявили статистически достоверных асимметрий с преобладанием правой стороны, подобная развитость рельефа есть только у мужчин [Ражев, 2009]. При более пристальном рассмотрении обнаружилось, что наконечники происходят из разрушенных могил, где наряду с женскими (мог. Исаковка 1, кург. 8, погр. 4; Мурзинский 1, кург. 13, погр. 1) были определены останки мужчин (мог. Гаевский 1, кург. 3, погр. 1, ск. 2; Исаковка 1, кург. 6, погр. 4, ск. 1) или кости детского скелета (мог. Тютринский, кург. 6, погр. 1), а их принадлежность – не без оговорок. О военных занятиях женщин оружие в составе погребального инвентаря может свидетельствовать только в сочетании с боевыми травмами костей скелета. Как правило, при анализе таких ситуаций за рамками обсуждений остаются различия между объективной реальностью, стоящей за археологическим предметом, и субъективным истолкованием в сознании исследователя.

В саргатских погребениях практически не выявлены конституирующие инсигнии. Тем не менее захоронения элиты среди категории избранных демонстрируют наличие репрезентативных инсигний. В обществах высокого уровня сложности (вождества и ранние государства) их состав практически универсален и связан по происхождению с мужской субкультурой, что характерно для лесостепного и степного населения железного века Евразии. Все известные саргатские погребения элиты, где обнаружены предметы импортного происхождения, включая оружие, определены как мужские. Фиксируемая гендерная дихотомия, вероятно, отражает главенство мужчин как в реальной жизни, так и в ритуальной сфере. Преобладание мужских захоронений свидетельствует о том, что практиковавшийся в саргатском социуме курганный обряд погребения предназначался для них. Но каковы критерии такого отбора?

Изначально гипотезы о вероятном родстве строились преимущественно на анализе археологического материала [Корякова, 1988; 1994б; Матвеева, 1993б], затем дополнялись результатами палеоантропологии [Культура зауральских..., 1997; Ражев, 2009]. Существенные уточнения вносят палеогенетические исследования [Пилипенко и др., 2017; Шаропова и др., 2020]. Сопоставление различных данных позволяет говорить о социальной легитимации в саргатской погребальной практике. Хотя

значимость родственных связей и не отрицается полностью (например, для некоторых индивидов в кург. 5 и 6 мог. Гаевский 1 биологическое родство установлено по дискретно варьирующим признакам черепа), они не были обязательным условием для захоронения в одном кургане. Практика отсроченных похорон (наряду с сезонным фактором) отражает сложный и разносторонний характер мотивов погребения и/или подхоронения в кургане. Среди них – социальное родство, когда умершие не являлись близкими родственниками. Намерение похоронить в одном кургане может указывать на принадлежность к определенной социальной группе – воинской элите (мог. Венгерovo 6, кург. 1; Погорелка 2, кург. 8; Гаевский 1, кург. 6, погр. 1 и 2) [Пилипенко и др., 2017; Шаропова и др., 2020]. Другим возможным объяснением могут быть отдаленные варианты родства, при которых преобладающая структура мтДНК и Y-хромосомы не сохранилась бы.

Что касается возможных различий по результатам молекулярно-генетического анализа представителей «активного» и «спокойного» морфотипов, на данном этапе можно лишь констатировать полученные результаты. Небольшое количество пересекающихся признаков (морфотип, кольцевая деформация, палеодНК) позволяет описать прецеденты, например, оценить генетические корни этих индивидов по материнской линии. В частности, обращает на себя внимание тот факт, что для мужчин и женщин «спокойного» морфотипа установлены различные варианты мтДНК западно-евразийского кластера. Внутри рассматриваемой морфологической группы восточно-евразийская гаплогруппа мтДНК идентифицирована в останках женщины из могильника Карасье 9 (кург. 11, погр. 2). На данном этапе результаты палеогенетического анализа однозначно не подтверждают, но и не исключают гипотезу о южных истоках практики кольцевой деформации в лесостепи, то есть ее внешнее происхождение на основании археологического материала не опровергается по палеоантропологическим и палеогенетическим критериям. В группе представителей «активного» морфотипа присутствуют как западно-евразийские, так и восточно-евразийские варианты мтДНК. При этом носители вариантов восточно-евразийского кластера гаплогрупп мтДНК лишь незначительно уступают в количественном отношении. Однако ответ на вопрос, что это – закономерность или случайность выборки, – дело будущих исследований на более репрезентативных материалах. Необходимо подчеркнуть, оба кластера гаплогрупп мтДНК – это наиболее «грубые» филогеографические категории, дающие представление о картине генетических расстояний популяций ранних кочевников Евразии. Между тем присутствие саргатского компонента отмечается

и в группах степного населения. В этом аспекте интересны предварительные результаты сравнительного анализа палеоантропологического и палеогенетического материалов ранних кочевников Нижнего Поволжья. Так, по соотношению долей западно-евразийского кластера мтД-НК наблюдается следующее распределение по убывающей: сарматское население Нижнего Поволжья, классические скифы Северного Причерноморья, носители саргатской культуры в Барабинской лесостепи и т.д. [Пилипенко и др., 2020]. Проводить более глубокое сравнение сарматских и саргатских серий сейчас едва ли оправданно, поскольку для последней в количественном отношении представительны сведения по Барабинским памятникам, среди которых нет поздних комплексов.

Результаты пилотного исследования соотношения изотопов стронция ($87\text{Sr}/86\text{Sr}$) эмали зубов и фоновых образцов изучаемого региона позволили установить неместное происхождение индивида (вероятно женского пола), погребенного в кургане Новопокровка 16 [Шарапова и др., 2023; Kiseleva et al., 2023]. Схожие изотопные отношения могли иметь люди, родившиеся в северных и северо-западных районах Казахстана, в то время как для образцов эмали лошадей из «жертвенного стада» получены значения, аналогичные фоновым. Эти данные не противоречат гипотезе, что знатность и высокий социальный статус могли определяться принадлежностью к кочевым родам, и предположению о влиянии населения гасмолинской общности в южной части лесостепи Зауралья и Западной Сибири и его участии в формировании саргатской культуры [Хабдулина, 2017].

В **Заключении** подчеркивается, что в результате проделанной работы предложено новое осмысление материалов и проблематики саргатской культуры, в основе которого – комплексное источниковедение. Междисциплинарный подход позволил полнее раскрыть информационный ресурс разных материалов, в том числе полученных из разрушенных погребений. Сложение саргатской культуры было стимулировано не только внутренним развитием лесостепных групп, но определялось и внешним окружением (что отразилось и в появлении новых потребностей социальной верхушки, включая вещевой комплекс и курганный обряд), и в формировании особой социокультурной адаптации к внешним и внутренним условиям среды. Изложенные в диссертации результаты всестороннего изучения материалов погребений дают основания отнести рассмотренные подкурганные комплексы к захоронениям саргатской элиты. Иными словами, эта группа иллюстрирует определение «лучшее меньшинство». В целом проведенное исследование не только дает готовые ответы на многие вопросы, но и ставит новые, поскольку

не все направления аналитической работы с материалами раскопок прошлых лет завершены, другие разработки еще предстоит осуществить в ходе новых проектов, научная необходимость которых очевидна.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Результаты исследований и материалы диссертации изложены в следующих основных публикациях, в том числе в соавторстве, общим объемом 250,95 п.л. (авторский вклад – 89,1 п.л.).

*Статьи, опубликованные в журналах Scopus, WoS, RSCI,
а также из Перечня изданий МГУ*

1. Ковригин А.А., Корякова Л.Н., Сергеев А.С., **Шарапова С.В.** Новые раскопки Павлинова городища (предварительные сообщения) // Проблемы истории, филологии, культуры. – 1995. – №2. – С. 17–28. (1,2/0,3 п.л.). Импакт-фактор РИНЦ 0,430.

2. **Šarapova S.** A study of the Trans-Uralian Iron Age ceramics – a new outlook // Journal of European Archaeology. – 2004. – №7 (2). – P. 177–197. (2,5 п.л.). WoS/JCI 1,7.

3. Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., **Шарапова С.В.**, Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – №4 (48). – С. 61–74. (1/0,2 п.л.). Импакт-фактор РИНЦ 0,820.

4. Ražev D., **Šarapova S.** Warfare or Social Power: Bioarchaeological Study of the Iron Age Forest-Steppe Populations in the Trans-Urals and Western Siberia // Praehistorische zeitschrift. – 2012. – Band 87. Heft 1. – P. 146–160. (3/1,5 п.л.). WoS/JIF 0,556.

5. **Шарапова С.В.**, Ражев Д.И. Биоархеология черепных травм саргатского населения // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – №1 (53). – С. 143–154. (1/0,5 п.л.). Импакт-фактор РИНЦ 0,820.

6. Берсенов А.Г., Корякова Л.Н., Чечушков И.В., **Шарапова С.В.** Псаали с поселения Каменный Амбар // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – №3 (59). – С. 46–54. (1/0,25 п.л.). Импакт-фактор РИНЦ 0,820.

7. Ražev D., **Šarapova S.** Peopling the past: female burials of the Iron Age Forest-Steppe in the Trans-Urals // Praehistorische zeitschrift. – 2014. – Band 89. Heft 1. – P. 157–176. (3/1,5 п.л.). WoS/JIF 0,556.

8. **Шаранова С.В.**, Ражев Д.И. Погребения саргатской культуры: новый взгляд на известные факты // Российская археология. – 2016. – №3. – С. 60–72. (1/0,5 п.л.). WoS/JCI 0,27.

9. Луайе Ж., **Шаранова С.В.** Палеопатологии детей из погребений бронзового века (на примере могильника Неплюевский) // Уральский исторический вестник. – 2017. – №1 (54). – С. 103–113. (0,9/0,5 п.л.). Scopus/SJR 0,28.

10. **Шаранова С.В.** Биоархеология населения лесостепного Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура) // Stratum Plus. – 2018. – №3. – С. 323–350. (3 п.л.). WoS/JCI 0,25.

11. **Шаранова С.В.** Искусственная деформация черепа в саргатской среде (биоархеологический аспект) // Краткие сообщения Института археологии. – 2018. – №250. – С. 243–259. (1 п.л.). WoS/JCI 0,19.

12. Карапетян М.К., **Шаранова С.В.**, Якимов А.С. Материалы к характеристике населения эпохи бронзы Южного Зауралья // Уральский исторический вестник. – 2019. – №1 (62). – С. 28–37. (0,9/0,5 п.л.). Scopus/SJR 0,28.

13. Корякова Л.Н., Краузе Р., **Шаранова С.В.**, Пантелеева С.Е., Косинцев П.А. Археология образа жизни (по материалам исследований памятников эпохи бронзы Южного Зауралья) // Уральский исторический вестник. – 2019. – №4 (65). – С. 40–51. (0,9/0,4 п.л.). Scopus/SJR 0,28.

14. **Шаранова С.В.** Верхняя хронологическая граница саргатской культуры // Нижневолжский археологический вестник. – 2020. – Т. 19. №2. – С. 218–246. (2,8 п.л.). Scopus/SJR 0,55.

15. **Шаранова С.В.**, Пилипенко А.С., Ражев Д.И., Трапезов Р.О., Черданцев С.В. Два мужских погребения из кургана саргатской культуры: биоархеологический и палеогенетический обзор // Stratum Plus. – 2020. – №3. – С. 353–378. (3/1 п.л.). WoS/JCI 0,25.

16. Карапетян М.К., Лейбова Н.А., **Шаранова С.В.** Антропологические материалы эпохи поздней бронзы из курганного могильника Неплюевский // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2020. – №3 (50). – С. 133–148. (1/0,2 п.л.). Scopus/SJR 0,32.

17. Киселева Д.В., Данилов Д.А., Домрачева Д.В., Труфанов А.Я., Хорькова А.Н., **Шаранова С.В.** Хроматографическое (ГХ-МС) изучение растительной смеси из элитного погребения саргатской культуры в Среднем Прииртышье // Российские нанотехнологии. – Том 15. №5. – 2020. – С. 657–663. (1/0,4 п.л.). Импакт-фактор РИНЦ 0,579.

Переводная версия: Kiseleva D.V., Danilov D.A., Domracheva D.V., Trufanov A.Ya., Khorkova A.N., Sharapova S.V. Gas Chromatography–Mass Spectrometry (GC–MS) Study of the Archaeological Plant Mixture from an

Elite Burial Mound of the Sargat Culture in the Middle Irtysh River Basin // *Nanotechnologies in Russia*. – Vol. 15. Nos. 9–10. – 2020. – P. 617–622. (1/0,4 п.л.). Scopus/SJR 0,19.

18. Булакова Е.А., Карапетян М.К., Киселева Д.В., **Шаранова С.В.**, Якимов А.С. Погребальная посуда и пищевые стратегии в древности // *Уральский исторический вестник*. – №4 (73). – 2021. – С. 60–70. (1/0,6 п.л.). Scopus/SJR 0,28.

19. **Шаранова С.В.**, Малашев В.Ю. Хроноиндикаторы I–III в. н.э. из лесостепных памятников Тоболо-Иртышья // *Нижевожский археологический вестник*. – Т. 21. №1. – 2022. – С. 171–192. (2/1 п.л.). Scopus/SJR 0,55.

20. **Шаранова С.В.**, Труфанов А.Я., Киселева Д.В., Шагалов Е.С., Данилов Д.А., Хорькова А.Н., Окунева Т.Г., Солошенко Н.Г., Рянская А.Д., Упорова Н.С. Об одной находке северокавказской керамики в элитном погребении могильника Исаковка I (Западная Сибирь) // *История, археология и этнография Кавказа*. – №18 (2). – 2022. – С. 429–462. (2,5/1,0 п.л.). Scopus/SJR 0,57.

21. Карапетян М.К., **Шаранова С.В.** Патологические изменения на скелетах из Неплюевского могильника эпохи поздней бронзы (курган 1) // *Нижевожский археологический вестник*. – Т. 21. №2. – 2022. – С. 110–119. (1,5/0,5 п.л.). Scopus/SJR 0,55.

22. Scott A., Reinhold S., Hermes T., Kalmykov A.A., Belinskiy A., Buzhilova A., Berezina N., Kantorovich A.R., Maslov V.E., Guliyev F., Lyonnet B., Gasimov P., Jalilov B., Eminli J., Iskandarov E., Hammer E., Nugent S., Hagan R., Majander K., Onkamo P., Nordqvist K., Shishlina N., Kaverzneva E., Korolev A.I., Khokhlov A.A., Smolyaninov R.V., **Sharapova S.V.**, Krause R., Karapetian M., Stolarczyk E., Krause J., Hansen S., Haak W. and Warinner C. Emergence and intensification of dairying in the Caucasus and Eurasian steppes // *Nature Ecology and Evolution*. – 2022. – №6 (6). – P. 813–822. (3/0,1 п.л.). Scopus/SJR 5,37.

23. Evershed R.P., Davey Smith G., Roffet-Salque M., Timpson A., Diekmann Y., Lyon M.S., Cramp L.J.E., Casanova E., Smyth J., Whelton H.L., Dunne J., Brychova V., Šoberl L., Gerbault P., Gillis R.E., Heyd V., Johnson E., Kendall I., Manning K., Marciniak A., Outram A.K., Vigne J.-D., Shennan S., Bevan A., Colledge S., Allason-Jones L., Amkreutz L., Anders A., Arbogast R.-M., Bălăşescu A., Bánffy E., Barclay A., Behrens A., Bogucki P., Carrancho Alonso A., Carretero J.M., Cavanagh N., Claschen E., Collado Giraldo H., Conrad M., Csengeri P., Czerniak L., Dębiec M., Denaire A., Dombyrczki L., Donald C., Ebert J., Evans C., Frances-Negro M., Gronenborn D., Haack F., Halle M., Hamon C., Hulshoff R., Ilett M., Iriarte E., Jakucs

J., Jeunesse C., Johnson M., Jones A.M., Karul N., Kiosak D., Kotova N., Krause R., Kretschmer S., Kruger M., Lefranc Ph., Lelong O., Lenneis E., Logvin A., Luth F., Marton T., Marley J., Mortimer R., Oosterbeek L., Oross K., Pavuk J., Pechtl J., Petrequin P., Pollard J., Pollard R., Powlesland D., Pyzel J., Raczky P., Richardson A., Rowe P., Rowland S., Rowlandson I., Saile T., Sebök K., Schier W., Schmalfusch G., **Sharapova S.**, Sharp H., Sheridan A., Shevnina I., Sobkowiak-Tabaka I., Stadler P., Stäuble H., Stobbe A., Stojanovski D., Tasić N., van Wijk I., Vostrovskaya I., Vuković J., Wolfram S., Zeeb-Lanz A. & Thomas M.G. Dairying, diseases and the evolution of lactase persistence in Europe // *Nature*. – №608 (7922). – 08/2022. – P. 336–345. (4,3/0,1 п.л.). WoS/JIF 64,8.

24. Blöcher J., Bрами M., Feinauer I.S., Stolarczyk E., Diekmann Y., Vetterdietsch L., Karapetian M., Winkelbach L., Kokot V., Vallinig L., Stobbe A., Haakh W., Papageorgopoulou C., Krause R., **Sharapova S.**, Burger J. Descent, marriage, and residence practices of a 3,800-year old pastoral community in Central Eurasia // *Proceedings of National Academy of Sciences of the USA*. – 21/08/2023. – Vol. 120. No. 36. – e2303574120. (5/1 п.л.). Scopus/SJR 4,03.

25. Kiseleva D.V., Chervyakovskaya M.V., Chervyakovskiy V.S., Okuneva T.G., Soloshenko N.G., Bulatov V.A., Grachev M.A., Karapetian M.K., **Sharapova S.V.**, Shagalov E.S. Assessment of Diagenetic Transformations in Bioapatite for the Determination of the 87Sr/86Sr Isotope Ratio: A Case Study on an Early Iron Age Human Tooth from the Sargat Culture // *Journal of Analytical Chemistry*. – 2023. – Vol. 78. No. 12. – P. 1642–1650. (2/0,1 п.л.). WoS/JIF 1,1.

26. **Шаранова С.В.**, Бачура О.П., Грачев М.А., Карапетян М.К., Киселева Д.В., Косинцев П.А., Костомаров В.М., Окунева Т.Г., Шагалов Е.С., Якимов А.С. Информационный потенциал разрушенных погребений саргатской культуры: курган Новопокровка 16 в Среднем Прииртышье // *Нижевоолжский археологический вестник*. – 2023. – Т. 22. №2. – С. 65–96. (3/0,5 п.л.). Scopus/SJR 0,55.

*Статьи, опубликованные в журналах из Перечня ВАК,
рекомендованных Минобрнауки РФ*

27. **Шаранова С.В.** Традиции изготовления керамики и орнаментальные стили населения Зауралья в раннем железном веке // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2004. – № 4 (20). – С. 123–134. (1 п.л.). Импакт-фактор РИНЦ 0,820.

28. **Шаранова С.В.**, Берсенева Н.А. Социальная символика: система понятий и проблемы изучения // *Уральский исторический вестник*. – 2006. – №14. – С. 25–35. (1/0,5 п.л.). Scopus/SJR 0,28.

29. **Шарапова С.В.** Стилистическая вариативность зауральской керамики эпохи железа // Уральский исторический вестник. – 2010. – №1 (26). – С. 43–52. (0,9 п.л.). Scopus/SJR 0,28.

30. Корякова Л.Н., **Шарапова С.В.**, Ковригин А.А. Прыговский 2 могильник: кочевники и лесостепь // Уральский исторический вестник. – 2010. – №2 (27). – С. 62–71. (0,9/0,4 п.л.). Scopus/SJR 0,28.

31. **Шарапова С.В.** Социокультурная идентичность и возможности интерпретации древней материальной культуры // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – Т. 11. Вып. 3: Археология и этнография. – 2012. – С. 103–112. (2 п.л.). Scopus/SJR 0,29.

32. Носкевич В.В., Федорова Н.В. Корякова Л.Н., **Шарапова С.В.** Геофизика и археология поселений бассейна реки Карагайлы-Аят // Уральский исторический вестник. – 2012. – №3 (37). – С. 60–69. (0,9/0,2 п.л.). Scopus/SJR 0,28.

33. **Шарапова С.В.**, Шмонеvский Б., Паронь А., Добжаньска Х. Кочевники и оседлый мир: направления и перспективы российско-польского проекта // Уральский исторический вестник. – 2012. – №3(37). – С. 144–146. (0,5/0,2 п.л.). Scopus/SJR 0,28.

34. **Шарапова С.В.**, Ражев Д.И., Курто П. Новое в изучении женских погребений (по материалам саргатской культуры Притоболья) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 1 (24). – С. 84–95. (1/0,5 п.л.). Scopus/SJR 0,32.

35. **Шарапова С.В.**, Краузе Р., Молчанов И.В., Штоббе А., Солдаткин Н.В. Междисциплинарные исследования поселения Коноплянка: предварительные результаты // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. – 2014. – С. 101–109. (1/0,7 п.л.). Scopus/SJR 0,29.

Монографии

36. **Шарапова С.В.** Древности раннего железного века лесостепного Зауралья и Западной Сибири. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 2022. – 208 с. ISBN 978-5-85383-908-3 (26 п.л.)

37. Культура зауральских скотоводов на рубеже эр / В.А. Булдашов, А.А. Ковригин, Л.Н. Корякова, П.А. Косинцев, П. Курто, Г.И. Махонина, Д.И. Ражев, Ж.-П. Потро, **С.В. Шарапова**. – Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. – 180 с. ISBN 5-88464-040-4 (21,39/3 п.л.)

38. Habitats et necropolis de l'Age du Fer au Carrefour de l'Eurasie. Les fouilles de 1993 à 1997 / М.-Y. Daire, L. Koryakova, V. Buldashov, P. Courtaud, A. Epimajov, E. Gonzalez, A. Kovrigin, P. Kosintsev,

L. Langouet, G. Makhonina, D. Marguerie, J.-P. Pautreau, D. Rajev, **S. Sharapova**, M.-C. Ugé // Memoires de la mission archeologique francaise en Asie Centrale. Tome XI. – Paris: Diffusion de Broccard, 2002. – 291 p. ISBN 2-907-431-14-5 (24/5 п.л.)

39. Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса) / Л.Н. Корякова, М.-И. Дэйр, А.А. Ковригин, **С.В. Шарпова**, Н.А. Берсенева, С.Е. Пантелеева, Д.И. Ражев, П. Курто, Б. Хэнкс, Е.Г. Ефимова, А.А. Каздым, О.В. Микрюкова, А.О. Сахарова. – Екатеринбург–Сургут: Магеллан, 2009. – 298 с. ISBN 978-5-903594-12-2 (18,53/6,2 п.л.)

40. Sharapova S., Razhev D. Skull deformation during the Iron Age in the Trans-Urals and Western Siberia // The bioarchaeology of the human head. Decapitation, decoration and deformation / M. Bonogofsky (ed.). – Gainesville: Florida University Press, 2011. – Ch. 8. – P. 202–227. ISBN 978-0-8130-3556-7 **hardback** (*Scopus*) (3/1,5 п.л.)

Переиздание: **Sharapova S., Razhev D.** Skull deformation during the Iron Age in the Trans-Urals and Western Siberia // The bioarchaeology of the human head. Decapitation, decoration and deformation / M. Bonogofsky (ed.). – Gainesville: Florida University Press, 2015. – Ch. 8. – P. 202–227. ISBN 978-0-8130-6177-1 **second paperback edition**

41. Koryakova L.N., Krause R., Fornasier J., Epimakhov A.V., Sharapova S.V., Berseneva N.A., Panteleyeva S.E. Archaeological structures of the Kamennyi Ambar settlement // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia) / R. Krause, L.N. Koryakova (eds.). – Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. – Ch. 5. – P. 85–128. ISBN 978-3-7749-3841-0 (19/1,5 п.л.)

42. Sharapova S. It is traced on bone: social identity in bioarchaeological research of Iron Age population of the Trans-Urals and Western Siberia // Cultural Encounters in Iron Age Europe / I. Armit, H. Potrebica, M. Črešnar, P. Mason, L. Büster (eds.). – Budapest: Archaeolingua (Series Minor 38), 2016. – P. 305–323. ISBN 978-963-9911-83-3 (25,8/2 п.л.)

43. Sharapova S.V. Settlement of Konoplyanka // The Bronze Age in the Karagaily-Ayat Region (Trans-Urals, Russia). Culture, Environment and Economy / L.N. Koryakova, R. Krause (eds.). – Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2021. – Ch. 7. – P. 247–265. ISBN 978-3-7749-4297-4 (25/2,5 п.л.)

44. Fedotova Y.V., Ankushev M.N., Blinov I.A., Sharapova S.V., Trufanov A.Y. Electronic Microscopy of Precious Threads from Bolgar Settlement and Isakovka I Burial Ground // Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. GAM 2019. Springer Proceedings in Earth and Environmental

Sciences. – Springer, Cham. – 2021. – P. 153–158. ISBN 978-3-030-48863-5 (*Scopus*) (0,5/0,15 п.л.)

Публикации в российских и зарубежных изданиях

45. Koryakova L., Daire M-Y., Courtaud P., Gonzalez E., Kovrigin A., Langouet L., Marguerie D., Razhev D., **Sharapova S.**, Uge M-C. Burials and settlements in Eurasian crossroad: joint Franco-Russian project // Kurgans, Ritual Sites, and Settlements: Eurasian Bronze and Iron Age / J. Davis-Kimball, E. Murphy, L. Koryakova, L. Yablonsky (eds.). – Oxford, 2000 (BAR International Series 890). – P. 63–74. (2/0,2 п.л.)

46. **Sharapova S.** Iron Age ceramics of the Transurals // Kurgans, Ritual Sites, and Settlements: Eurasian Bronze and Iron Age / J. Davis-Kimball, E. Murphy, L. Koryakova, L. Yablonsky (eds.). – Oxford, 2000 (BAR International Series 890). – P. 207–214. (1 п.л.)

47. Daire M-Y., Koryakova L., Berseneva N., Courtaud P., Gonzalez E., Kozeko O., Kovrigin A., Langouet L., Marguerie D., Rajev D., **Sharapova S.**, Uge M-C. Les sepultures de l'Age du Bronze de Balshoïkazakhbaïevo (Oural Moyen, Russie) // Revue archéologique de l'Oest, n°9. – Rennes, 2001. – P. 229–239. (1/0,2 п.л.)

48. **Шаранова С.В.** Некоторые аспекты изучения символов социальной власти // Шестые исторические чтения памяти М.П.Грязнова / отв. ред. В.И. Матющенко. – Омск, 2004. – С. 82–86. (0,3 п.л.)

49. Koryakova L., Daire M.-Y., Langouet L., Gonzalez E., Kosintsev P., Kovrigin A., **Sharapova S.**, Razhev D., Berseneva N., Panteleyeva S., Hanks B., Kazdym A., Mikrukova O., Efimova E. Iron Age Society and Environment: Multi-Disciplinary Research in the Iset River Valley (Russia). Preliminary Results // The Geoarchaeology of River Valleys / H. Dobrzanska, E. Jerem and T. Kalicki (eds.). – Budapest: Archaeolingua Press, 2004. – P. 185–214. (3/1 п.л.)

50. Ковригин А.А., Корякова Л.Н., Курто П., Ражев Д.И., **Шаранова С.В.** Аристократические погребения из могильника Карасье 9 // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. статей к 70-летию А.Х. Пшеничниюка / отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. – Уфа: Гилем, 2006. – С. 187–203. (2/0,6 п.л.)

51. **Шаранова С.В.** Символика престижа в саргатской культуре: на примере феномена кольцевой деформации черепа // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности / гл. ред. С.А. Арутюнов. – Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2007. – С. 57–69. (1,2 п.л.)

52. Krause R., Korjakova L., Fornasier J., **Sharapova S.**, Epimachov A., Patelewa S., Berseneva N., Molčanov I., Kalis A., Stobbe A., Thiemeyer H.,

Wittig R., König A. Befestigte Siedlungen bronzezeitlichen Sintašta-Kultur im Transural, Westsibirien (Russische Föderation) // *Eurasia Antiqua*. – 2010. – Band 16. – P. 97–129. (3/0,5 п.л.)

53. Шаранова С.В. Маркеры социальной идентичности: биоархеологический аспект // *Человек и Север: Антропология, археология и экология: Мат-лы всерос. конф., г. Тюмень, 26–30 марта 2012 г. – Вып. 2. – Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. – С. 65–68. (0,4 п.л.)*

54. Sharapova S. Beyond the Silk Road: cultural identity of the Iron Age forest-steppe population of the Trans-Urals and Western Siberia // *Serica-Da Qin. Studies in Archaeology, Philology and History on Sino-Western Relations (Selected Problems) / G. Malinowski, A. Paroń, B. Szmoniewski (eds.). – Wrocław: Wydawnictwo GAJT 1991 s.c., 2012. – P. 27–40. (1,5 п.л.)*

55. Sharapova S. Bioarchaeological Recognition of Social Identity in Iron Age Sargat Culture // *Tattoos and Body Modifications in Antiquity / P. Della Casa & C. Witt (eds.). – Zurich Studies in Archaeology. – 2013. – Vol. 9. – P. 103–113. (1,5 п.л.)*

56. Sharapova S. On the turn of eras: cranial deformation as a form of self-mutilation among the population of Sargat culture // *Archeologia Mileniului I p. CHR. vol. IV: Nomazi și autontoni în mileniul I p. Crh. / B. Ciupercă (ed.) – Ploiești: Editura Istros, 2015. – P. 167–186. (1,5 п.л.)*

57. Шаранова С.В. Население лесостепного Зауралья в раннем железном веке: археологический и антропологический аспекты изучения // *К.Ф. Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Мат-лы IX Международ. научн. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посв. 100-летию со дня рожд. К.Ф. Смирнова: сб. статей / отв. ред. Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева. – Оренбург: ОГПУ, 2016. – С. 298–303. (0,5 п.л.)*

58. Корякова Л.Н., Шаранова С.В. Кочевники и лесостепь: саргатская культура // *Ранний железный век от рубежа эр до середины I тыс. н.э. Динамика освоения культурного пространства: мат-лы IV Междунар. науч. конф. «Археологические источники и культурогенез» (Санкт-Петербург, 14–18 ноября 2017 г.) / отв. ред. Д.Г. Савинов. – СПб.: Скифия-Принт, 2017. – С. 80–83. (0,33/0,2 п.л.)*

59. Šarapova S., Kovrigin A., Korjakova L., Ražev D., Daire M.-Y., Langouet L., Courtaud P. Zur sozialen und kulturellen Identität in frühheisenzeitlichen Gesellschaften (Das Adelsgrab Karas'е 9 im Voruralsgebiet) // *Eurasia Antiqua*. – Band 20. – 2014–2017. – P. 273–298. (2,5/0,7 п.л.)

60. Киселева Д.В., Корякова Л.Н., Шаранова С.В., Косинцев П.А., Зайцева М.В., Стрелецкая М.В., Чередниченко Н.В., Фокина А.К., Шагалов Е.С. Определение микроэлементного и изотопного состава

стронция в образцах костной и зубной ткани человека и животных из археологических памятников Южного Урала эпохи бронзы // Геоархеология и археологическая минералогия 2017. – Миасс: ИМин УрО РАН, 2017. – С. 41–46. (0,4/0,1 п.л.)

61. Зайков В.В., Филиппова К.А., Юминов А.М., Анкушев М.Н., Корякова Л.Н., **Шаранова С.В.**, Булакова Е.А., Солдаткин Н.В. Геохимия магматических пород из археологических памятников Южного Урала (данные ICP-MS) // Геоархеология и археологическая минералогия 2017. – Миасс: ИМин УрО РАН, 2017. – С. 69–76. (0,4/0,1 п.л.)

62. Корякова Л.Н., Краузе Р., **Шаранова С.В.**, Федорова Н.В., Косинцев П.А., Зайков В.В., Анкушев М.Н. Укрепленные поселения бассейна р. Карагайлы-Аят сквозь призму междисциплинарного подхода // История науки и техники. – 2018. – №1. – С. 22–36. (2/0,4 п.л.)

63. **Шаранова С.В.**, Карапетян М.К., Булакова Е.А. Биоархеология и возможности изучения гендерных аспектов (по материалам могильника эпохи бронзы Неплюевский) // Мужской и женский мир в отражении археологии: мат-лы Всерос. науч. конф. с международным участием, г. Уфа, 19–22 ноября 2018 г. – Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. – С. 94–100. (0,5/0,3 п.л.)

64. **Шаранова С.В.**, Черданцев С.В., Трапезов Р.О., Пилипенко А.С. Кочевники и лесостепь: археология, антропология, палеогенетика // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.). Т. 5. Мат-лы X Международ. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / отв. ред. И.Н. Храпунов. – Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2019. – С. 321–327. (1/0,5 п.л.)

65. Федотова Ю.В., Анкушев М.Н., Блинов И.А., **Шаранова С.В.** Электронная микроскопия драгоценных нитей могильника Исаковка и городища Болгар // Геоархеология и археологическая минералогия-2019. – Миасс: ИМин УрО РАН, 2019. – С. 129–134. (0,4/0,1 п.л.)

66. Анкушев М.Н., Блинов И.А., Корякова Л.Н., Виноградов Н.Б., **Шаранова С.В.**, Петров Ф.Н., Григорьев С.А. Оксиды и галогениды меди в древних металлургических шлаках Южного Зауралья // Минералы: строение, свойства, методы исследования. – 2020. – №11. – С. 23–25. (0,3/0,05 п.л.)

67. Хорькова А.Н., Данилов Д.А., Киселева Д.В., **Шаранова С.В.**, Труфанов А.Я. Хроматографический анализ органических остатков в археологических артефактах // Междисциплинарные исследования объектов культурного наследия естественно-научными методами: Мат-лы Всерос. науч. конф. / отв. ред. Э.А. Хайрединова, Е.Б. Яцишина. – Симферополь: Антиква, 2022. – С. 178–181. (0,3/0,05 п.л.)

Подписано в печать 05.06.2024. Формат 60x84 1/16
Бумага офсетная. Усл.печ. л. 2,5
Тираж 100 экз. Заказ № ____.

